

КЛАД ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ С ГОРОДИЩА КАРА-ТАУ

Юрий Павлович Зайцев

*Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», Симферополь, Россия
skilur46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6549-0520>*

Игорь Олегович Гавритухин

*Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия
gavritukhin@rambler.ru*

Ирина Ивановна Шкрибляк

*Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», Симферополь, Россия
vejde_v_l@mail.ru*

Аннотация. Публикуется клад, найденный археологической экспедицией музея-заповедника «Неаполь Скифский» при раскопках в 2016 г. на городище Кара-Тай. Городище входит в комплекс археологических памятников на территории заказника «Уроцище Кубалач» близ с. Сенное Белогорского района Республики Крым. Клад происходит из грунтово-каменного завала в юго-восточном углу подвала, расположенного близ цитадели городища. Функционирование подвала прекратилось во второй половине IV в. Клад состоит из трех серебряных предметов – браслета, позолоченной серги и фрагмента позолоченной фибулы. Для аналогий фибуле от Галлии до Крыма предложена новая типология и рассмотрены основания датировок. Прототипами для нее и ей подобных были фибулы середины V в. из Среднего Подунавья. Экземпляр из Кара-Тай связан с контекстом переработки дунайских образцов, которые стали основой производства пальчатых фибул на Боспоре, начавшегося около последней трети / четверти V – начала / первой четверти VI в. Браслет с расширенными концами, украшенными поперечными врезными линиями, и «серыга» с 14-гранником на дужке не противоречат такой датировке. Вещи из клада соответствуют женскому убору варваров Крыма второй половины V – первой половины VI в., хотя аналогии им распространены намного шире географически и хронологически. Данный комплект, по-видимому, составляет половину изделий из драгоценных металлов одного из таких уборов. Высказано предположение, что это доля одного из двух подельников, разграбивших погребение с таким убором. Поселений и могильников V–VII вв. в восточной части Крымских предгорий пока не известно. Данный клад и ряд единичных находок позволяют предполагать, что такие памятники будут найдены в будущем.

Ключевые слова: Крым, V–VI вв., традиции Среднего Подунавья, клады, пальчатые фибулы, серьги / височные подвески с 14-гранником, браслеты с расширенными концами, женский убор, ограбление могил

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01266 «Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма в IV в. до н.э. – V в. н.э.», <https://rscf.ru/project/24-28-01266/>. Часть И. О. Гавритухина подготовлена в рамках выполнения НИР ИА РАН по теме «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (НИОКР № 122011200267-0).

GREAT MIGRATION HOARD FROM THE ANCIENT FORTIFIED SETTLEMENT OF KARA-TAU

Yuriy P. Zaytsev

*Historical and Archaeological Museum Preserve of Scythian Neapolis, Simferopol, Russia
skilur46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6549-0520>*

Igor O. Gavritukhin

*Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
gavritukhin@rambler.ru*

Irina I. Shkribliak

*Historical and Archaeological Museum Preserve of Scythian Neapolis, Simferopol, Russia
vejde_v_l@mail.ru*

Abstract. This article publishes a hoard discovered by the archaeological expedition of the Museum Preserve of Scythian Naples making excavations in 2016 at the ancient fortified settlement of Kara-Tau. This settlement is a part of the complex of archaeological sites of the Preserve of Kubalach Area located at the modern village of Sennoe in the Belogorsk District of the Republic of the Crimea. The hoard originates from a soil and stone collapse in the south-eastern corner of a basement room located near the settlement citadel. The basement room ceased to exist in the second half of the fourth century. The hoard comprises of three silver artefacts: a bracelet, a gilded ear-ring, and a gilded brooch fragment. For the parallels to the brooch under study from Gaul to the Crimea, this article suggests a new typology and discusses the background of their chronologies. The prototypes for this and similar brooches were the mid-fifth-century clasps from the Middle Danube Area. The Kara-Tau artefact is related to the context of the re-working of the Danubian samples, which formed the background for the production of radiate-headed brooches in the Bosporos from ca the last third/quarter of the fifth or the early/first quarter of the sixth century on. The bracelet with widened ends decorated with transverse incised lines and an “earring” with 14-hedral bead do not contradict the above chronology. The artefacts from the hoard in question correspond to the female attire of the Crimean barbarians from the second half of the fifth and the first half of the sixth century, with their parallels much more widespread geographically and chronologically. This set apparently makes up a half of the precious metal artefacts within one of such attires. It has been suggested that this was the share of one of two persons who plundered a burial containing the attire in question. So far we know none of the fifth- to seventh-century settlements and settlements located in the eastern are of the Crimean foothills. The hoard under publication and a group of isolated finds suggest that such monuments will be discovered in the future.

Keywords: Crimea, fifth and sixth centuries, Middle Danube traditions, hoards, radiate-headed brooches, earrings / temple pendants with 14-hedral bead, bracelets with widened ends, female attire, tomb plunder

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01266 *Mountain Group Kubalach as a New Phenomenon in the Crimean Archaeology from the Fourth Century BC to the Fifth Century AD*, <https://rscf.ru/project/24-28-01266>. I. O. Gavritukhin's contribution has been made within the framework of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences' research project *Panorama of Historical and Archaeological Processes in Eastern Europe in the Roman Period and the Great Migration Period according to Archaeological Data (First to Seventh Century)* (NIOKTR no 122011200267-0).

Археологический контекст клада

Комплекс археологических памятников на горе Кара-Тай, включающий в себя синхронные городище с цитаделью, два поселения, два некрополя и святилище, расположен близ с. Сенное Белогорского района Республики Крым. Городище с многочисленными искусственными террасами занимает вершину, северный и северо-восточный склоны горы, поселения располагаются к северу и северо-востоку от подножия горы, некрополи – у подножия северо-восточного склона, святилище – на одной из нижних террас поселения к северо-западу от вершины горы (рис. 1,1,2). Городище, поселения и святилище находятся в густом дубовом лесу на территории государственного природного заказника регионального значения Республики Крым «Урочище Кубалач», часть поселения и некрополи расположены на открытых задернованных площадках на холмистых склонах к северо-востоку от городища [6, с. 147–148; 5, с. 209–210].

Первая информация о существовании этого памятника появилась в научной литературе в 2014 г. Научным сотрудником Института археологии Крыма РАН А. В. Гавриловым в 2013 г. по сообщениям местных жителей на северо-восточном склоне горы было обнаружено сильно ограбленное в 2010–2012 гг. святилище античного времени, при обследовании вершины горы локализована укрепленная цитадель и комплекс хозяйственных сооружений [3]. В 2016 г. на святилище были проведены полноценные раскопки [21; 7].

Территория Кубалача до 2013 г. крайне редко привлекала внимание исследователей и была в известном смысле *terra incognita* на археологической карте древностей Центрального Крыма. Это обстоятельство, а также весьма любопытные находки, собранные А. В. Гавриловым на отвалах ограбленного святилища, стали причиной организации археологической экспедиции музея-заповедника «Неаполь Скифский» в 2016–2018 гг.

Благодаря залесенности территории и относительной труднодоступности памятника на вершине горы хорошо сохранились оборонительные сооружения цитадели позднеримского времени. В некоторых местах высота сохранившихся стен, сложенных из мелкого плитчато-

го известняка на грязевом растворе, достигает 3 метров. К стенам с внешней и внутренней стороны примыкают мощные каменные развалы. С внутренней стороны оборонительных стен прослежены остатки крепостной каменной застройки. Центральная, самая возвышенная часть цитадели не была застроена.

В 2018 г. двумя раскопами здесь были выявлены оборонительные конструкции двух хронологических периодов: крепостная стена и башенный выступ первой, небольшой крепости II–III вв. и участок крепостной стены более поздней крепости IV в., которая охватила большую площадь возвышенности и включила в свой периметр ранние фортификационные сооружения. Следов присутствия культурного слоя, датирующегося временем ранее II в. н.э., в пределах оборонительных сооружений не обнаружено. Финал существования поздней крепости маркируется слоем пожара, зачищенного с внешней стороны оборонительного периметра с зафиксированными *in situ* фрагментами амфоры типа C Snp I (Делакеу, Зеест-100) [12, с. 128] и может быть датирован временем не ранее середины IV в. На слое пожара единичным массивом залегал слой разрушения оборонительной стены.

К северу и северо-востоку от цитадели на территории городища выявлено не менее 10 зольников высотой 2–4 м, частично перекрывших более ранние искусственные террасы. Хронологически весь керамический материал из зольников однороден, их накопление укладывается в рамки I–III вв. Признаков более ранних каменных жилых и хозяйственных конструкций, которые были бы перекрыты мусорными отложениями, ни в одном из случаев не зафиксировано.

В ходе визуальных разведок 2016 г. по территории памятника, поблизости от развалин цитадели на вершине горы Кара-Тау, в 200 м к северу, в границах лесной просеки была обнаружена заросшая кустарником и корневой дубовой порослью полузыпанная скальная полость. После осмотра был сделан вывод о ее искусственном происхождении, после чего объект был исследован в границах небольшого раскопа. В результате здесь был открыт монументальный каменный подвал с узким длинным входом, перекрытым каменными плитами (рис. 2–4)¹.

Помещение подвала в плане трапециевидной формы, суженной в части, примыкающей к коридору, и расширенной в дальней части полости. Параметры основного помещения подвала $3,4 \times 2,3$ м, высота полости 2,3 м, параметры коридора $3,4 \times 0,96$ м, высота стенок коридора 1–1,35 м. Пол подвала представлял собой неровную поверхность скалы с естественными трещинами, стены представляли собой кладки из насыху сложенного плитчатого известняка, встроенные по периметру скальной полости. Верхние камни кладок восточной и западной стенки подложены вплотную к скальному потолку, южная стенка камеры сильно разрушена современными грабителями, за ней пространство скальной полости было разбито и сильно расширено в южном направлении. В восточной стенке камеры близ входа на высоте 0,5 м от пола была организована хозяйственная ниша, устроенная в специально вырубленном скальном пространстве.

В процессе исследований подвала в нижней части заполнения камеры был обнаружен биллоновый боспорский статер Рескупорида IV, отчеканенный в 263–264 гг. н.э. (рис. 1,3)². Несколько глубже, на глубине 1,5 м от скального потолка полости, над поверхностью пола было зачищено скопление фрагментов амфор и лепных сосудов (рис. 4,5), среди которых присутствуют венчики и ручка амфоры типа C Snp I [12, с. 128], что указывает на датировку в границах IV в.

Расчистка грунтово-каменного завала в юго-восточном углу подвала, на высоте 0,3 м от уровня пола, выявила скопление разрозненных костей неполного скелета взрослого мужчины (возраст 50+), череп отсутствовал (рис. 4,3).

¹ Для фиксации внутреннего объема помещения и фасировок кладок был использован лазерный сканер Leica BLK 360, с его помощью получена точная трехмерная модель подвала. Впоследствии с помощью программного компьютерного комплекса Autodesk Recap отдельные файлы облаков точек были слиты в единый массив данных. Эта объединенная модель является основой для оформления любого желаемого сечения конструкции, получения фаса каменной кладки, расчета объема и выявления признаков деформации конструкции.

² ВАСΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ, аверс – мужской бюст с трезубцем вправо, реверс – два бюста лицами друг к другу, год ΞΦ (560 г. б.э.).

В этой же части камеры, на высоте 0,2 м от пола, было обнаружено три серебряных предмета (рис. 2,2, *сверху слева*), залегавших компактной группой и, вероятно, составляющие небольшой клад (рис. 5). К сожалению, положение предметов *in situ* зафиксировать не удалось, так как обнаружены они были в процессе выборки взрыхленного киркой каменистого заполнения полости подвала.

Верхнюю хронологическую границу использования подвала следует ограничить IV в. Судя по стратиграфической ситуации, клад и человеческие кости связаны с уже заброшенной и полузасыпанной полостью. Как они соотносились между собой – остается неясным, но очевидно то, что если кости являются остатками погребения, то предметы не являются его инвентарем.

Состав клада

Браслет, серебро (рис. 5,2). Имеет вид незамкнутого овала (65×56 мм), с расширенными концами, овально-миндалевидным сечением (максимальное 4×5 мм, минимальное 2×3 мм); на одном из торцов имеется небольшое углубление. По краям концов нанесены тонкие врезные линии, с внешней стороны браслета они, похоже, частично затерты.

Серебряные или бронзовые браслеты с расширенными концами являются массовым типом украшения рук у варварского населения Крыма эпохи Великого переселения народов. Нередки они и в ряде других культур; если не считать нескольких малочисленных сложно орнаментированных вариаций, их локальные или хронологические разновидности не выделяются, а массовость позволяет считать большинство этих изделий местными [среди обзоров: 11, с. 66–67; 1, с. 156; 18]. В Крыму и ряде других культур V–VII вв. такие браслеты характерны для женского костюма и носились обычно парами (по одному на руке). К наиболее часто встречаемым способам их украшения относятся врезные линии поперек концов [1, с. 250, 260], как и у публикуемого нами экземпляра.

Э. А. Хайрединова связывает появление браслетов рассматриваемого типа с культурами Среднего Подунавья середины V в., в Крыму их появление относит ко второй половине этого столетия, а массовое использование фиксирует со второй половины VI в. [1, с. 156, 250, 260]. Однако в Крыму браслеты с расширенными концами – не редкость и в римское время. Например, во Фронтовом 3 на 328 могил позднего I – IV вв. их не менее 36 [13, рис. 30,1; 42,3; 43,1; 60,15,16; 69,6; 73,6; 98,10; 99,26; 116,1; 126,9; 128,2; 189,1; 202,11; 218,5; 227,3; 272,4; 292,19; 302,3–5; 306,1; 313,1; 348,4; 359,13; 14, рис. 20,10; 158,1; 199,3; 204,1; 210,12; 214,10; 245,36; 259,7; 15, рис. 170,4; 230,36; 337,5]. И. Н. Храпунов, указав 35 экземпляров разновидности 2 («круглые в сечении с более или менее утолщенным концами») из 130 браслетов, найденных в могильнике Нейзац (не позднее IV в.), пишет: «Хронологические и территориальные границы распространения этих браслетов столь широки, что нет смысла их обсуждать» [19, с. 347].

Правда, создается впечатление о хронологической лакуне в бытовании интересующих нас браслетов в Крыму, приходящейся на гуннское время. Однако в Керчи есть золотые браслеты с расширенными концами этого времени [9, с. 72 (№ 11), 98 (№ 66)]. Дата набора 1903 г. из подбийной могилы в саду Н. Тумковского в Керчи, включающего пару таких серебряных браслетов [9, с. 201 (№ 281)], вполне укладывается в гуннское время [9, с. 201–202]. Аналогичные браслеты отмечены в подбийной могиле 20/1904 из Керчи [9, с. 229 (№ 353)], в инвентаре которой упомянута «фибула в виде самострела» [20, с. 8], т.е. типа, обычного на Боспоре в позднеримское и гуннское время.

В пользу точки зрения Э. А. Хайрединовой свидетельствует то, что орнаментация браслетов с расширенными концами врезными поперечными линиями в Крыму пока не встречена ранее второй половины V в., а в Подунавье она не редкость. Обращают на себя внимание некоторые отличия в ношении (часто по одному) и морфологии (например, не мало число экземпляров с четырех- и многоугольным сечением) крымских браслетов римского времени на фоне более поздних крымских и дунайских. Впрочем, картина может измениться при увеличении выборки комплексов V в., для Крыма пока не слишком многочисленной. Следует учитывать и возможность местной эволюции убора и/или его элементов.

К особенностям публикуемого браслета из Кара-Тай относятся углубления на одном из его торцов. К сожалению, подобные детали часто не отражаются в публикациях, например,

см. фото и прорисовку находки второй половины V в. из Фикароло в Италии (рис. 9,9). Более обширные углубления зафиксированы у обеих торцов упомянутого выше браслета с расширенными концами из могилы 91 во Фронтовом 3, датированной второй – третьей четвертями IV в. [13, рис. 292,19]. Вдавленные торцы отмечены И. О. Гавритухиным на браслетах этого же типа с городища V/VI–VII вв. Хачки (Северо-Восточная Польша; неопубликованные раскопки Збигнева Кобылинского, которого мы благодарим за разрешение использовать его материалы). Мы затрудняемся сказать, что может объединять эти (и, наверное, другие подобные) случаи.

Ряд затронутых вопросов мог бы снять систематический (с каталогами, картами и т.д.) анализ рассматриваемых украшений. Заслуживающую всяческой поддержки попытку сделать это, предпринятую О. А. Хомяковой [18], к сожалению, следует признать неудачной, т.к. в ее базе данных зияют значительные пропуски (ср. даже упомянутые выше выборочные обзоры), ряд сведений не точны, а иногда просто не верны (в этом легко убедиться, если препроверить ее ссылки, локализацию и другие характеристики ряда комплексов).

Таким образом, в отношении публикуемого браслета из Кара-Тау не исключена гипотеза о его западных (вероятнее всего, дунайских) прототипах, а может быть (чисто теоретически) и изготовлении в Подунавье. В этом случае его нижней хронологической границей становится вторая половина (середина?) V в. Вполне вероятно и то, что это изделие местного происхождения, как и то, что его прототипы следует искать в древностях гуннского и/или римского времени. Возможны и комбинации этих (крайних) точек зрения, например, местная форма и заимствованная (тогда, вероятно, из Подунавья) орнаментация.

«Серьга» (височная подвеска?), серебро, полностью позолочена (рис. 5,3). Состоит из дужки в виде незамкнутого слегка асимметричного овала ($29,5 \times 25$ мм) из дрота круглого сечения (диаметр 2 мм), на одном из концов дужки вместе с ней отлит 14-гранник – почти куб ($8,5 \times 7,7 \times 7,5$ мм) со срезанными углами и четкими гранями.

Изделия с литым или ажурным (тогда обычно со вставками) многогранником, насаженным на дужку, в могилах Крыма и ряда других территорий *in situ* находят близ головы, обычно парами, по одному у каждого виска. В ряде случаев (как и у публикуемого экземпляра) дужка бывает весьма толстой с тупым концом, что явно мешает удобству использования таких вещей в качестве серег, хотя и не исключает этого. Использование их в качестве височных «колец» / подвесок вполне вероятно, но не доказано, впрочем, как не доказана и правильность применения к ним термина «серьги». Однако последний получил широкое распространение, и мы будем его использовать без кавычек, несмотря на условность. При надлежность этих украшений женскому убору для Крыма, кажется, у специалистов сомнений не вызывает.

Серьги с литым 14-гранником на дужке особенно широко распространены в V–VI вв., когда известны от Западного Средиземноморья до Урала и Кавказа [базовые обзоры: 29; 11, с. 72–74; 27, р. 18–19; 16; 10, с. 91–92; 2; 1, с. 113, 155–156, 250, 259–260]. Крымские находки детально рассматривались Э. А. Хайрединовой. Согласно ее разработкам, публикуемый образец из Кара-Тау следует отнести к варианту 2 (с бусиной длиной 0,8–1,3 см, дужкой от $1,6 \times 2,0$ до $3,3 \times 4,0$ см), который распространяется в Крыму около середины или во второй половине V в. и бытует до конца первой четверти VII в. [16, с. 100–102, 107]. Появление серег с многогранником около рубежа IV и V вв. она, как и большинство исследователей, связывает с римским населением Среднего Подунавья, откуда мода на эту группу украшений распространилась на огромные территории, в т.ч. в Крым в первой половине V в. Увеличение размера бусины (т.е. появление варианта 2) объясняется стремлением местных мастеров подражать привозным из Подунавья серьгам с крупным ажурным многогранником.

Однако А. В. Маstryкова отметила, что могилы горизонта Чаквар на Среднем Дунае, где встречены серьги с многогранником, считающиеся наиболее ранними, допускают датировку в пределах конца IV – второй трети V в., а в бассейне Верхней Тисы, на Боспоре и Нижнем Дону можно назвать комплексы, относящиеся к ранней части этого хронологического отрезка [11, с. 73]. Не исключает она и гипотезу о появлении таких серег на востоке Кавказа и распространении их на западе с аланами, отметив, что имеющиеся даты опорных кавказских

комплексов слишком широки для этих утверждений. Вскоре появившееся уточнение датировок могильника Паласа-Сырт (юг Дагестана) с учетом новых материалов позволяет говорить о бытования здесь серег с многогранником (в т.ч. ажурным, который рассматривался как сравнительно поздний) с последних десятилетий, а может быть и с середины IV в. [10, с. 91–92, 117–118, рис. 226–227].

Таким образом, вопрос о происхождении серег с напускным многогранником пока остается открытым. Вне зависимости от этого, их появление в Крыму датируется не позднее первой половины V в. Следует согласится и с тем, что серьги со сравнительно небольшим многогранником (вариант 1 по Э. А. Хайдединовой) появились раньше, чем их аналоги с более крупной бусиной (вариант 2), но вопросы о причинах и датировке этих изменений пока нельзя признать решенными. Вопрос о верхней хронологической границе таких серег для нашей публикации не имеет значения, т.к. они бытовали явно дольше, чем позднейшая из возможных дат рассматриваемого комплекса.

Ножка и основание дужки фибулы, серебро (рис. 5,1). Сохранилась на 41 мм в длину, максимальная ширина 15 мм. Окончание у ножки каплевидное, полукруглое в сечении; по бокам в верхней части сделаны два полукалевидных углубления, в которых выступами обозначены глаза, а ближе к окончанию – треугольные ноздри; углубления позолочены, правое немного крупнее левого. Окончание отделено от остальной части ножки валиком. Основная часть ножки шестиугольная (в виде асимметричного по высоте ромба со срезанными острыми углами), украшена кербшнитным орнаментом и позолочена; резьба неглубокая и неаккуратная, но четкая. Ближе к концу ножки орнаментальную композицию образует трапеция, в которую вписаны два треугольника; остальное поле заполнено четырьмя спиралевидными завитками в два оборота, между которыми расположены два маленьких полушаровидных выступа. Дужка (ширина у основания 8,5 мм) – полая, с вертикальным ребром и не менее, чем одной неглубокой широкой врезкой у основания; ее сохранившаяся часть полностью позолочена. Оборотная сторона ножки заполирована. Приемник (высота 7 мм) отлит вместе с корпусом фибулы, прокован и загнут.

Для атрибуции данной находки необходимо рассмотрение фибул с ромбовидной (в виде ромба с усеченными верхним и нижним углом, иногда асимметричным по вертикали) ножкой без боковых выступов, украшенной рельефной (в кербшнитной или близкой ей технике) композицией, центрированной на два парных завитка, и имеющей концевой выступ в виде звериной головки. Исследование таких застежек готовится к печати И. О. Гавритухиным, откуда взяты нужные для нынешней статьи данные и наблюдения [важные для данной темы обзоры см. также: 33, С. 59; 35, С. 180–182, 241–244; 32, р. 37–39; 31, р. 121–125].

Ножку, соответствующую приведенным выше характеристикам, имеют пальчатые фибулы с тремя или пятью выступами-«пальцами» на головной пластине. Такие трехпальые изделия относят к типу, для которого эталоном чаще всего выступают находки из Сокольниц (рис. 6,2, иногда и 6,4), используемым нередко и в качестве названия типа, хотя зачастую без четкого обозначения набора диагностирующих признаков. Мы предлагаем закрепить это название за всеми трехпальными фибулами рассматриваемого круга, с более дробным подразделением внутри типа (см. ниже). Вариант таких фибул из Фикароло (рис. 9,3), исходя из аналогий в орнаментации, рассматривался в контексте не только трехпальых, но и пятипальых изделий, в т.ч. имеющих боковые выступы на ножке, например, типа Чонград, подборка из алеманских могильников в Базеле, находка из Цукарице в Белграде [25, С. 322–324]. Ценность таких сопоставлений не отменяет целесообразности различать в качестве разных таксонов трех- и пятипальые фибулы, как и фибулы с разным набором выступов на ножке. Пятипальые фибулы рассматриваемого круга без боковых выступов на ножке по одной из ярких находок (рис. 10,3–4) мы предлагаем назвать типом Котай, с подразделениями внутри типа. Застежки, схожие по орнаментации с типами Сокольнице и Котай, но имеющие боковые выступы на ножке, как указанные выше, так и другие, например, боспорские фибулы видов I и II [8], в данной работе не рассматриваются, т.к. ножка публикуемой фибулы из Кара-Тай им явно не принадлежит.

На рис. 6–11 приведены фибулы с ножкой, наиболее близкой той, что у рассматриваемого экземпляра из Кара-Тай (для удобства сравнения его изображение приведено на каждом

из этих рисунков). Сравнение строится отдельно для каждой серии фибул, выделяемой в рамках двух указанных типов по особенностям орнаментации, в первую очередь, головной пластины.

Тип Сокольнице

Серия Сексард, с головной пластиной, украшенной парой крупных S-видных завитков, расположенных по отношению друг к другу под углом, немного более острому, чем прямой. Выделяются два размерных стандарта: длиной 10–11 см (рис. 6,1–4) и 8–9 см (рис. 6,17–19). Выделяются также «стильные» варианты, с наиболее сложным хорошо проработанным орнаментом (рис. 6,1,2,17,18), и, видимо, его переработки в сторону упрощения (рис. 6,3,4,19). Ножка из Кара-Тау по пропорциям и структуре орнамента ближе всего экземпляру из коллекции Диргардта (рис. 6,3), указание на происхождение которого («Южная Россия») вызывает сомнения [ср.: 54, S. 25 (No 81) и 36, S. 771 (No 5)]. Однако они заметно отличаются размерами, по этому параметру экземпляр из Кара-Тау лишь с трудом сопоставим с наименьшим размерным стандартом данной серии. К этой же или типологически близкой серии следует отнести образец из Хеммингена (рис. 7,10), но он явно типологически дальше от образца из Кара-Тау, чем отмеченные выше.

Серия Борнхайм, с головной пластиной, украшенной 4–5 дуговидно расположеными завитками. Она распадается на два варианта, различающиеся как рядом деталей, так и размерами: длина образцов 8 см (рис. 7,6) и 6,8 см (рис. 7,1–2). По длине и структуре орнамента ножка из Кара-Тау ближе находке из Борнхайма (рис. 7,6), а по сдвинутому ближе к дужке максимальному расширению и прогибу боков – паре из Вайнгартена (рис. 7,1–2). Однако все они типологически дальше от экземпляра из Кара-Тау, чем отмеченные выше вариации серии Сексард.

Серия Отвёшпуста, с головной пластиной, украшенной парой крупных круглых завитков. Две фибулы этой серии размерного стандарта 1 (длина около 9 см) принадлежат вариантам, отличающимся по ряду признаков как между собой (рис. 8,8,11), так и от фибул размерного стандарта 2 (рис. 8,2,3; 9,3), имеющих длину около 7 см. По сумме признаков ножка из Кара-Тау в этой выборке более всего напоминает экземпляр из Аквасанты (рис. 8,11), хотя широкая дужка в сочетании с легкой прогнутостью боков сближает ее с трехпалой застежкой из Мельстеда (рис. 8,8).

Серия Люманда, с головной пластиной, украшенной тремя завитками, представлена пока 1 экземпляром (рис. 9,4). От ножки из Кара-Тау он резко отличается уже размерами.

Серия Штернвальде выделяется орнаментацией, по структуре близкой тем, что характерны для рассмотренных выше серий, но составляющие ее завитки превратились фактически в чашевидные углубления (рис. 9,5–7). Ножка из Кара-Тау явно не имеет отношения к этой серии.

Отметим и то, что структура орнаментации серии Штернвальде сопоставима, например, с той, что на застежке из Лютцена (рис. 7,7). Ее головная пластина украшена завитками, композиция которых занимает как бы промежуточное положение между той, что показательна для серии Борнхайм, и той, которая отличает серию Сексард. Орнамент ее ножки может рассматриваться как производный от характерного для типа Сокольнице или сделанной в близкой ему стилистике. Число примеров орнаментации, напоминающей тип Сокольнице, но отличающейся по структуре, составу элементов и другим показателям, легко умножить (на рис. 9,8 – лишь один из ярких). Как эти вещи соотносятся с типом Сокольнице, должно стать предметом особого исследования, далеко выходящего за рамки данной статьи.

Тип Комай

Серия Керчь, с головной пластиной, украшенной почти так же, как образцы серий Сексард и Борнхайм типа Сокольнице, с ножкой, структура орнаментации которой наиболее близка той, что обычна у серии Отвёшпуста того же типа (рис. 10,3–4,7–10). Варианты образуют типологический ряд от экземпляров длиной 8,4 и 8,5 см, с головной пластиной, наиболее близкой серии Сексард (рис. 10,3–4), до экземпляров длиной около 8 см, с головной пластиной, наиболее близкой серии Борнхайм (рис. 10,7–8). Ножка из Кара-Тау более близка тем, что у фибул, завершающих этот ряд (рис. 10,7–8,10).

Серия Варна, с головной пластиной, украшенной так же, как образцы серии Борнхайм типа Сокольнице, с ножкой, структура орнаментации которой наиболее близка той, что представлена у варианта Вайнгартен серии Борнхайм типа Сокольнице (рис. 11,4,7–9). Серии Варна и Борнхайм сближают и использование для украшения бордюра ножки орнамента «волчий зуб». Экземпляр из Будапешта (рис. 11,4) – наиболее крупный (длина 8,2 см); остальные не сильно, но заметно меньше (длина 7,8 см). Ножка из Кара-Тау по сумме признаков наиболее близок экземпляр из Монсо-ле-Нёф (рис. 11,9).

Серия Гомтербармвег, с головной пластиной и ножкой, украшенными так же, как образцы серии Отвёшпуста типа Сокольнице (рис. 11,10–12,14). В ее рамках по размерам, структуре и деталям орнаментации ножки вариации из могильников в Базеле (рис. 11,11–12,14) отличаются от представленной в Бойне на западе Словакии (рис. 11,10). Уже исходя из размеров фибул понятно, что ножка из Кара-Тау не имеет отношения к этой серии.

Анализ других фибул, имеющих сходство с рассмотренными, был бы весьма полезным для понимания интересующего нас круга древностей, но выходит за рамки данной работы, т.к. они явно типологически дальше от публикуемой ножки фибулы из Кара-Тау, чем те, что отмечены выше.

Хронология

Общепризнанно, что происхождение фибул рассматриваемого круга связано со Средним Подунавьем³. К наиболее ранним относятся вариации, близкие образцу из погр. 5 в Сокольницах (рис. 6,2 – тип Сокольнице в узком значении термина), согласно хронологической системе Я. Тейрала, появившиеся на ступени D2/D3, синхронизируемой с фазой перехода от «протомеровингского» периода к меровингской эпохе около середины V в. [50]. К этому типу Я. Тейрал относил еще несколько экземпляров (рис. 6,17–18; 8,2–3,5,11), указывая на схожесть с особым вариантом (Белград–Цукарице), представленным находкой более крупного размера, с пятью кнопками-«пальцами» [48, S. 321]⁴. Отмечает он и то, что стиль, характерный для типа Сокольнице, не менее показателен для изделий ступени D3 [47, S. 350], датированной около 450–470/480 гг. К ней Я. Тейрал относит вторую (купленную у местного крестьянина) интересующую нас фибулу из Сокольнице (рис. 6,4), в ряду тех, что синхронизируются с фазами 2 и 3 южногерманской шкалы по У. Кох [48, S. 321].

По южногерманской (алеманской) хронологической шкале, предложенной К. Тойне в основном по материалам Вайнгартена, погр. 241 этого могильника (рис. 7,1–5) отнесено к началу периода 1, датированному 450–470 гг. [51]. В альтернативной шкале У. Кох, построенной на материалах более обширного круга памятников (в т.ч. ряда швейцарских), но без учета бус, этот комплекс должен относиться к фазе 3 (480–510 гг.), исходя из датировки птицевидных броши (рис. 7,3–4), при том, что остальные находки из этого комплекса допускают более раннюю дату [37, S. 44–75: F80, X39, X65]. Отметим, что птицевидные броши, отнесенные У. Кох к индикатору F80 («без выступающих крыльев»), вполне могут датироваться раньше, чем обычные для этой и следующей фазы «птички» с «выступающими в виде треугольника ножками» (X103). Пряжка же (рис. 7,5), конечно, относится к предмеровингским стилям, и по другим меровингским шкалам датируется не позднее 440/450–470/480 гг. [38, Phase PM] или 440–480/490 гг. [41, Phase 2: Gür-1.2]. Все индикаторы комплекса из погр. 24 в Хеммингене (рис. 7,9–10 и стеклянный сосуд) по У. Кох соответствуют как фазе 2, так и 3, т.е. датируются 460–510 гг. [37, S. 46–47, 71–75: X39, X64, X95]. Фибулы из Базеля (рис. 11,11–12,14) по У. Кох соответствуют индикатору X40a, встреченному лишь в фазе 2, датируемой 460–480 гг. [37, S. 46, 71–72].

Не так давно т.н. южногерманская шкала стала подвергаться корректировке, связанной с уточнением позиций некоторых индикаторов и комплексов, а главное, с пониманием того, что фазы, даже если принять их выделение У. Кох, не жестко меняют, а заметно перекрывают друг друга, и их абсолютные (календарные) датировки не столь жесткие [39]. Исходя из типологических наблюдений, нам представляется, что в алеманском ареале наиболее ран-

³ Для интересующего нас времени Я. Тейрал выделяет Среднедунайский культурный круг, включающий группы памятников от Моравии до Нижней Дравы, Карпатскую котловину, полосу от низовий Савы до Железных Ворот [50, Abb. 5].

⁴ Добавим, что фибула из Цукарице имеет и боковые выступы на ножке.

ним является экземпляр из Хеммингена (рис. 7,10), синхронизируемый хотя бы частично с дунайской ступенью D2/D3. Пара из Вайнгартена (рис. 7,1–2), с учетом того, что обе эти фибулы ремонтировались, и наличие ранней пряжки синхронизируется с дунайской ступенью D3, чему не противоречит стилистика орнаментации фибул. В отношении базельских находок (рис. 11,11–12,14) и аналогичных с вставками в небольшие выступы по бокам ножки, наверное, стоит вернуться к предложенной М. Мартином и поддержанной Ф. Бирбруаером их датировке последней третьему V в. [25, S. 322].

Экземпляр из Фикароло (рис. 9,3) датирован Ф. Бирбруаером второй половиной V в., отмечена и его близость не только упомянутым чуть выше базельским, но и более ранним дунайским [25, S. 322–324]. Пару из Отвёшпусты (рис. 8,2–3) М. М. Казанский предложил рассматривать как звено в типологическом ряду от фибул типа Сокольнице (в узком значении термина) к образцу из Фикароло, отнесенного к особому типу [32, р. 38–39]. Это наблюдение мы считаем правильным, хотя эскизно намеченный «тип Фикароло» представляется нам слишком пестрым. Схожая датировка вполне приемлема и для фибулы из Мельстеда (рис. 8,8).

Интересующие нас находки из Галии, археологический контекст которых неизвестен, обстоятельнее всего рассматривались А. Кохом, который мог опираться лишь на непрямые аналогии и связанные с ними разные хронологические системы. Экземпляр из Шарне (рис. 6,19) был датирован им в рамках второй половины V в., не исключая начало VI в., с упоминанием и даты около конца V в., предложенной К. Пиле [35, S. 180–182]. Понятно, что эти хронологические рамки в одном случае явно слишком широки, в другом слишком узки, но более корректную датировку пока обосновать трудно. В отношении предложенной И. Вернером атрибуции фибул из Монсо-ле-Нёф (рис. 11,9) как «итало-готского импорта» первой половины VI в. А. Кох отметил, что это касается лишь некоторых стилистических элементов, не чуждых восточнонемецким традициям и севернее Альп, в т.ч. дунайским, приведя как пример трехпальые фибулы из Отвёшпусты (рис. 8,2–3). Типологические наблюдения позволяют для пары из Монсо-ле-Нёф предложить датировку двумя последними десятилетиями V в. – около 500 г., не исключая раннего VI в., т.е. началом меровингской эпохи [35, S. 241–242].

В Подунавье стили, сложившиеся на ступенях D2/D3 и D3, продолжили развитие и позднее, особенно там, где этому не препятствовали миграции или сильные инокультурные влияния. Так, фибулу из Старой Буды (рис. 11,4) Я. Тейрал отнес к кругу древностей последней предлангобардской фазы, датируемых около перехода от V к VI в. [49, S. 267], практически приняв дату, предложенную автором публикации этого комплекса из Буды А. Тот [52, там литература].

Фибулы из Котай (рис. 10,3–4) Э. Иштванович и В. Кульчар отнесли к кругу изделий, прототипом которых были среднедунайские восточнонемецкие фибулы типа Сокольнице/Сексард. Уже эти образцы различаются деталями, не говоря о производных от них вариациях, распространявшихся до Галии и Италии на западе и Боспора на востоке. Их относят к разным типам, выделяемым по разным основаниям, датируя в рамках второй половины / конца V – начала / первой половины VI в. Пара из Котай на этом фоне стилистически тяготеет к ранним вариациям, обычным до рубежа V и VI вв. [31, р. 122–124].

Этими венгерскими исследователями отмечена и близость экземпляров из Котай боспорским фибулам, соответствующим варианту 3 вида I по И. П. Засецкой, принимают они и точку зрения о происхождении этих и ряда других типов крымских фибул от дунайских второй половины V в. [31, р. 122]. В качестве единственного отличия упомянутых боспорских изделий от котайских Э. Иштванович и В. Кульчар указано наличие у первых небольших боковых выступов на ножке. Однако у пары из Котай есть прямые аналогии в Северном Причерноморье (вероятнее всего, на Боспоре), что и позволяет выделять серию Керчь (рис. 10,3–4, 7–10). Причем их размеры (длина около 8–8,5 см) отличаются от образцов варианта 3 вида I по И. П. Засецкой, имеющих длину 9,6 и 9,7 см [8, с. 443, №№ 35–38]. Скорее всего, серия Керчь показывает линию переработки дунайских образцов параллельную той, что привела к формированию вида I боспорских фибул, включающего вариант 3 и близкий ему как по стилистике, так и размерам вариант 1. В основе всех их, судя по структуре орнаментации, лежат переработки образцов серии Сексард типа Сокольнице, но разных размерных стандартов.

Реперов для датировки интересующих нас ранних боспорских фибул только два. Подбийная могила 19/1904 из Керчи (с фибулами варианта 3 вида I) датирована И. П. Засецкой второй половиной V – началом VI в. [8, с. 427–429, 443 (№ 35–36), табл. III, 35–36; XI–XII; 9, с. 24, 250–254]. Однако из нее происходят т.н. фокейские краснолаковые миски/тарелки формы 3F, датируемые первой половиной – третьей четвертью (возможно, и всей второй половиной) VI в. [см. обзор с учетом могильников Крыма: 4, с. 198]. С учетом отмеченной И. П. Засецкой близости стеклянных сосудов из этой могилы образцам, датированным V в., дата комплекса может быть сужена до первой трети или четверти VI в. Фибулы варианта 1 вида I происходят из погр. 12 склепа 78(1)/1907 в Керчи. Предлагавшиеся датировки материалов из этого склепа имеют очень большой разброс; мы присоединяемся к предложенной И. О. Гавритухиным и М. М. Казанским дате в рамках первой половины – середины VI в. [аргументы, обзор точек зрения и литературу см.: 4, с. 188–189; новая публикация находок: 9, с. 24–25, 262–277]. Отметим, что погр. 12 расположено в склепе 78/1907 на лежанке, то есть относится в этом сооружении не к поздним, которые были положены на пол склепа.

Учитывая, что дериваты могли появиться лишь тогда, когда их прототипы еще оставались актуальными, время появление серии Керчь типа Котай и вида I боспорских фибул следует относить к последней четверти (как минимум) или даже трети V в. Соответственно, время бытования их прототипа – серии Сексард типа Сокольнице – должно быть продлено до хотя бы части этого отрезка времени. Следует сказать, что и И. П. Засецкая, обобщая свои наблюдения, пишет о начале боспорского производства интересующих нас фибул «в конце», «в пределах последней четверти», «вероятнее всего, … последней четверти» V в. [8, с. 427, 435; 9, с. 27], хотя по непонятным причинам при характеристике конкретных изделий или комплексов постоянно включает в их хронологические рамки всю вторую половину V в.

Особый вопрос связан с местом изготовления фибул серии Керчь типа Котай. Весьма вероятно, что оно началось в Подунавье (может быть в бассейне Верхней Тисы), а потом мастер перебрался в Северное Причерноморье (вероятнее всего, на Боспор), что способствовало выработке стандартов местного производства. Однако, учитывая довольно активные в это время дунайско-крымские связи, которые едва ли были односторонними, вполне возможно, что эта серия сложилась по дунайским образцам на Боспоре, откуда хозяйка фибул переехала в Потсъе⁵. Можно предположить и подарок с Боспора, например, от мастера, перебравшегося туда из Подунавья, или просто родственника. Возможны и другие варианты. Как бы то ни было, серию Керчь типа Котай следует отнести к периоду дунайско-крымских связей, положивших начало производству боспорских пальчатьих фибул, т.е. датировать в рамках последней трети / четверти V – начала / первой четверти VI в.

Итак, полного соответствия рассматриваемой ножке фибулы из Кара-Тау нам найти не удалось. В качестве вероятных прототипов этого изделия можно назвать некоторые (явно не самые ранние) образцы серии Сексард (рис. 6,3,17–18) и крупные вариации серии Отвёшпушта (рис. 8,8,11) типа Сокольнице, а также серию Керчь типа Котай, в которой экземпляр из Кара-Тау особенно близки небольшие вариации (рис. 10,7–8,10). В этот ряд стоит поместить и фрагмент из Киннице (рис. 8,5), который мог принадлежать любой из упомянутых серий.

В любом случае, это был довольно грубо сделанный дериват указанных образцов. Исходя из этого, наиболее вероятным представляется его местное (крымское) изготовление. Тогда для датировки этой поделки вполне применимы выкладки, сделанные выше для серии Керчь типа Котай, даже если прототипом послужил импортный образец другой серии. Это определяет дату около последней трети / четверти V – начала / первой четверти VI в. Раннюю часть второй половины V в. в нашем случае из датировки следует исключить и потому, что орнаментация данной фибулы из Кара-Тау явно не принадлежит стилистике ступени D2/D3, показательной для этого времени. Более поздняя дата исключается, исходя из того, что публикуемый экземпляр не принадлежит сериям, массовое производство которых было в Крыму было налажено не позднее первой половины VI в.

⁵ Это могла быть и не та женщина, что похоронена с этими вещами. Напомним, что авторы раскопок считают, что рассматриваемые фибулы были положены в могилу, а не являлись частью костюма погребенной [31, р. 124–125].

Комплект клада

Комплексов с фибулами рассматриваемого круга немало. Легко убедиться, что с такими фибулами сочетаются серьги с 14-гранной напускной бусиной, обычно парные (рис. 6,5–6; 8,4; 10,1–2; 11,13), и/или браслеты с расширенными концами (рис. 9,9). Набор металлических украшений часто включал также довольно крупные пряжки (рис. 6,11; 7,5,8,9; 8,1; 11,5); реже перстни (рис. 6,15,16; 9,10), пронизи (рис. 8,6; 11,1–2); иногда подвески (рис. 6,8–9,12–14), бусы (рис. 6,7, в данном случае золотые), застежки (рис. 6,10), цепочки, соединявшие фибулы (10,5–6). Булавки (рис. 9,1), фибулы других типов (рис. 7,3–4; 8,7,9,10) и т.д. отражают или влияние на этот убор других культур, или его бытование (часто – только элементов) в инокультурной среде.

В целом же, костюм с фибулами (обычно парой) характерных типов, серьгами (зачастую с 14-гранником), ожерельем, парой браслетов (нередко с утолщенными концами) и (реже) перстнями на руках, большой пряжкой (характерны с прямоугольным щитком и рядом других типов) современные специалисты относят к женскому убору восточногерманских и связанных с ними традиций V–VII вв. [обзор крымских материалов в этом контексте см.: 1, с. 111–115, 154–156, 168–170, 250–271].

Публикуемый набор из Кара-Тау полностью вписывается в структуру женского убора этого круга, соответствующую его половине. Особенно показательны крымские комплексы второй половины V в., когда комплект из пары серег с 14-гранником и пары браслетов с утолщенными концами, в т.ч. с линейным врезным орнаментом концов, стал обычным, а фибула нередко использовалась одна или в сочетании с фибулой другого типа [напр.: 1, рис. 90,3–7,10–13; 91]. Отметим и датируемый чуть позднее (см. выше о хронологии фибул) набор из подбойной могилы 19/1904 в Керчи, включавший образцы варианта 3 вида I боспорских пальчатых фибул, типологически близких серии Керчь типа Котай, пару серег с 14-гранником, пару браслетов с утолщенными концами, фрагмент щитка пряжки [8, с. 427–428, 443 (№ 35–36), табл. III,35–36; XI,1–3,5–6; 9, с. 250–254].

Из часто встречаемых элементов наборов интересующего нас круга в кладе из Кара-Тау не хватает ожерелья и пряжки. Однако ожерелья во многих случаях не включали металлических деталей, а пряжка, как и вторая фибула (если фибул было две), могли быть сделаны из железа. Таким образом, мы получаем практически половину предметов женского убора, сделанных из драгоценных металлов – серебряные (в т.ч. с позолотой) серьгу, браслет, половину фибулы.

Представляется, что такой состав более всего соответствует добыче из разграбленного женского погребения, разделенной пополам, вероятно, двумя грабителями-подельниками. Один из них или тот, кто получил долю этой добычи, спрятал вещи в укромном месте – заброшенном полуразрушенном подвале на уже необитаемой вершине горы Кара-Тау. Впоследствии клад остался не востребованным.

Заключение

Рассмотрение вещей, составляющих клад Кара-Тау–2016, свидетельствует в пользу того, что они относятся к женскому убору восточногерманской и связанных с ней традиций V–VI вв. Для хронологии наиболее показательна ножка фибулы, являющаяся довольно грубым, скорее всего, местным дериватом изделий, прототипы которых восходят к среднедунайским образцам. Она датируется в рамках около последней трети / четверти V – начала / первой четверти VI в., вероятно, ближе к последней четверти V в. Остальные вещи (серьга, браслет) не противоречат такой датировке и культурной атрибуции комплекса, отражающего переработки влияний из Подунавья в местной среде.

Исследование комплекта клада привело к предположению, что он связан с одним из двух подельников, ограбивших женское захоронение, вполне типичное для Крыма V–VI вв. Когда это произошло – можно только гадать, никаких данных о времени совершения этого у нас нет. Все же дележ поровну (о чем свидетельствует практически половина фибулы), небольшая по меркам современности и недавнего времени стоимость вещей, тем не менее, спрятанных в глухом месте, склоняет к мысли о том, что ограбление произошло значительно раньше XIX–XX вв.

Незначительность депозита свидетельствует в пользу того, что составляющие его вещи едва ли были привезены издалека. Правда, могильников и поселений V–VI вв. ни на Кара-Тай, ни на северо-востоке региона Крымских гор пока не известно, что не исключает нахождение таких комплексов, например, в некрополе Кара-Тай, в будущем. К тому же, в фондах Музея-заповедника «Неаполь Скифский» собирается довольно представительная подборка находок из Белогорского района вне археологического контекста, «покрывающих» все выделяемые специалистами периоды крымской истории V–VII вв.

1

2

3

Рис. 1. 1 – Карта Крыма с обозначением горного массива Кубалач и археологического комплекса Кара-Тай.
2 – Фотопанорама археологического комплекса Кубалач, вид с востока.
3 – Боспорский статер Рескупорида IV 263–264 гг. н.э.

Рис. 2. План (1) и поперечный разрез (2) подвала

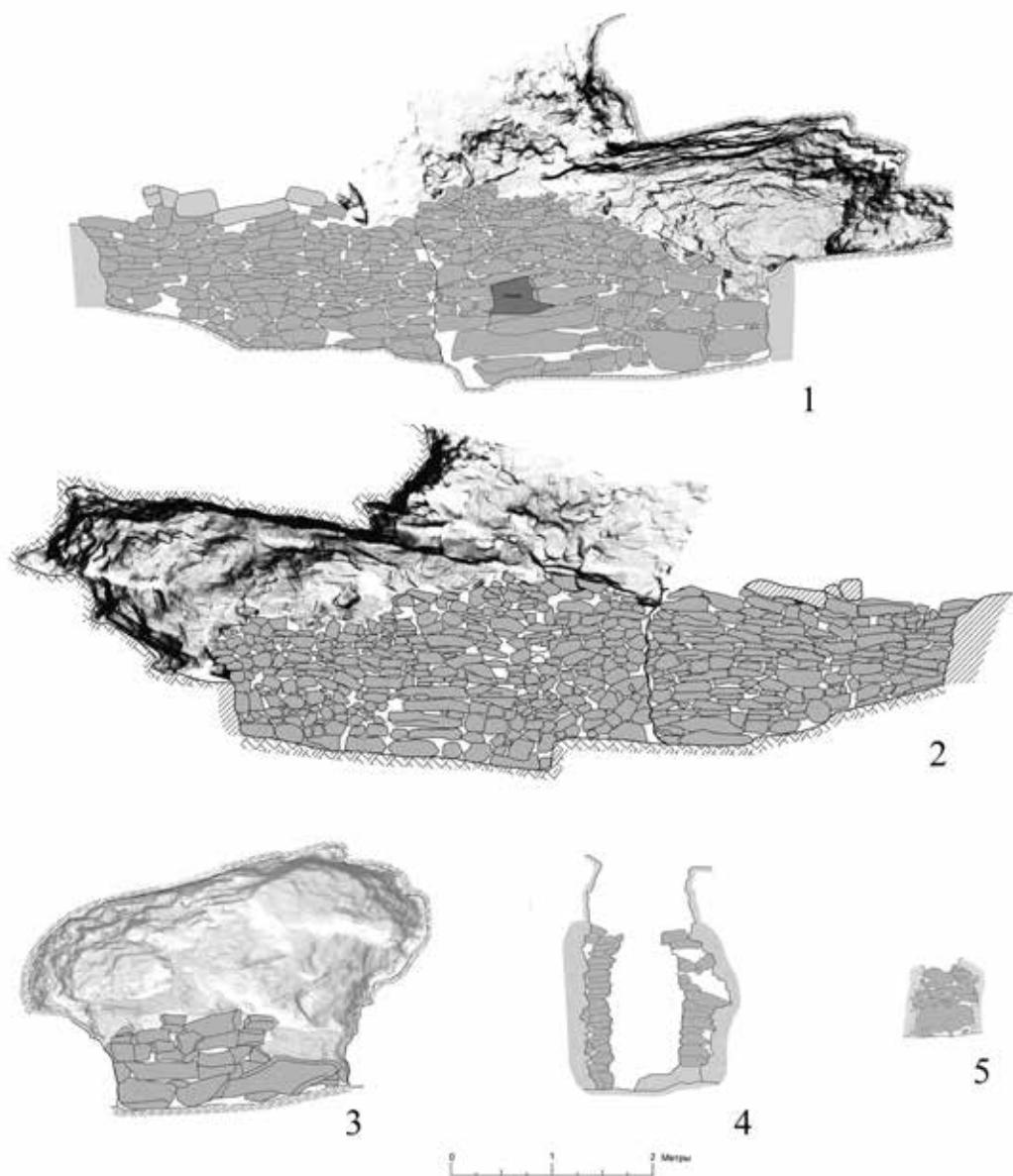

Рис. 3. Фасировки стен и разрезы подвала (по 3D модели): 1 – восточная стена, 2 – западная стена, 3 – южная стена, 4 – разрез коридора, 5 – северная стенка коридора

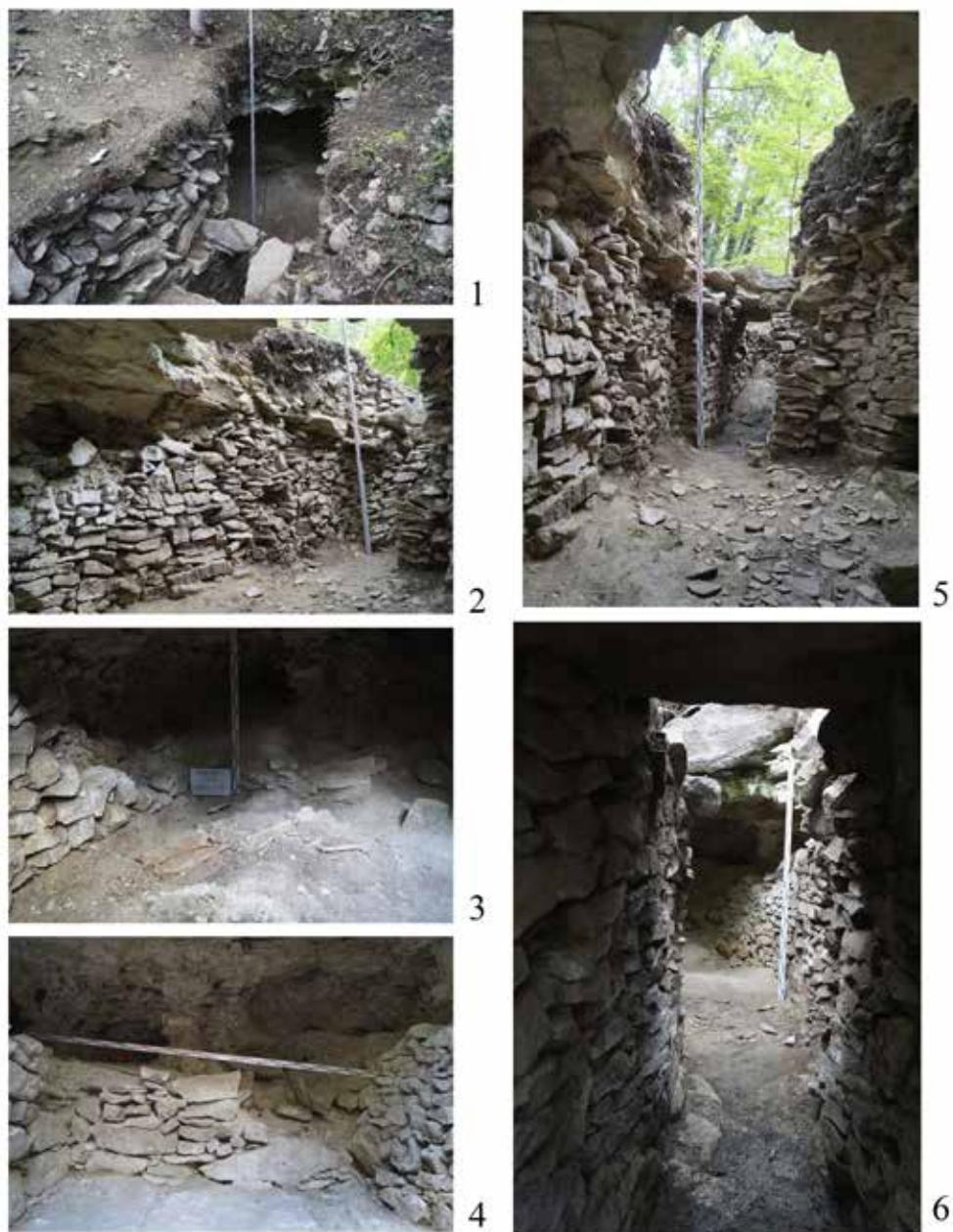

Рис. 4. Фотофиксация подвала: 1 – вид с севера на провал потолка, 2 – вид с юго-востока на западную стену, 3 – человеческие кости в юго-восточном углу, 4 – вид с севера на южную стенку, 5 – вид с юга на северную часть камеры и коридор, 6 – вид с севера через коридор в камеру

Рис. 5. Серебряные предметы: 1 – фрагмент фибулы, 2 – браслет, 3 – серьга или височное кольцо

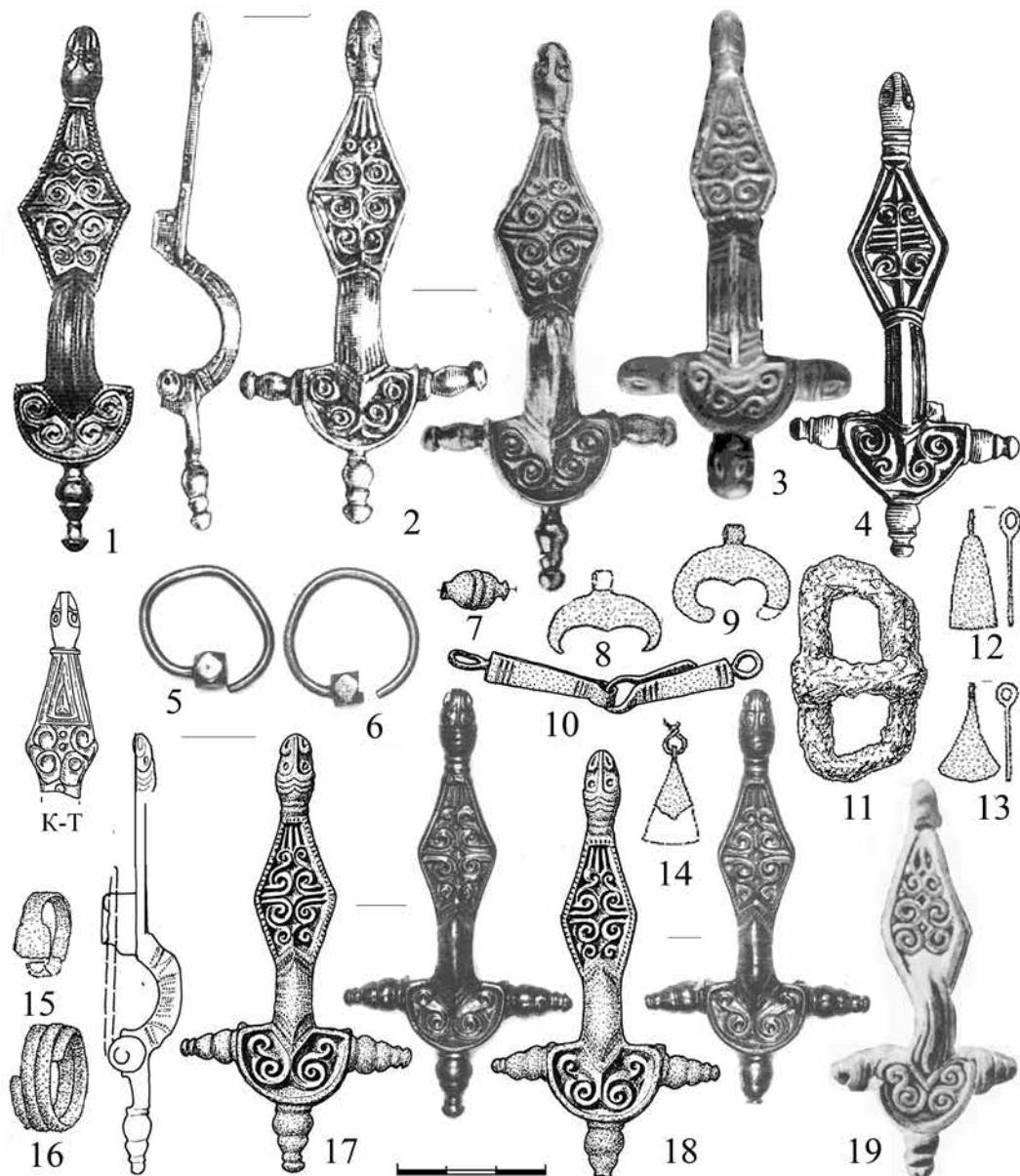

Рис. 6. 1 – «Венгрия»; 2, 4 – Сокольнице / Sokolnice (2 – погр. 5);
 3 – коллекция Диргардта / Diergardt; 5–18 – Сексард– Паланк / Szekszárd-Palánk, погр. 217;
 19 – Шарнэ / Charnay; К-Т – Кара-Тай (см. рис. 5,1)
 По: 1 – [26, Taf. LII,5]; 2, 4 – [36, Taf. 266/68,25; 46, obr. 94,6; 96,2]; 3 – [54, Taf. 18,81];
 5–18 – [33, Abb. 6,1–4,7; 7,1,5,38,39; 8,7,9,10; 15,5,6]; 19 – [36, Taf. 266/68,28]

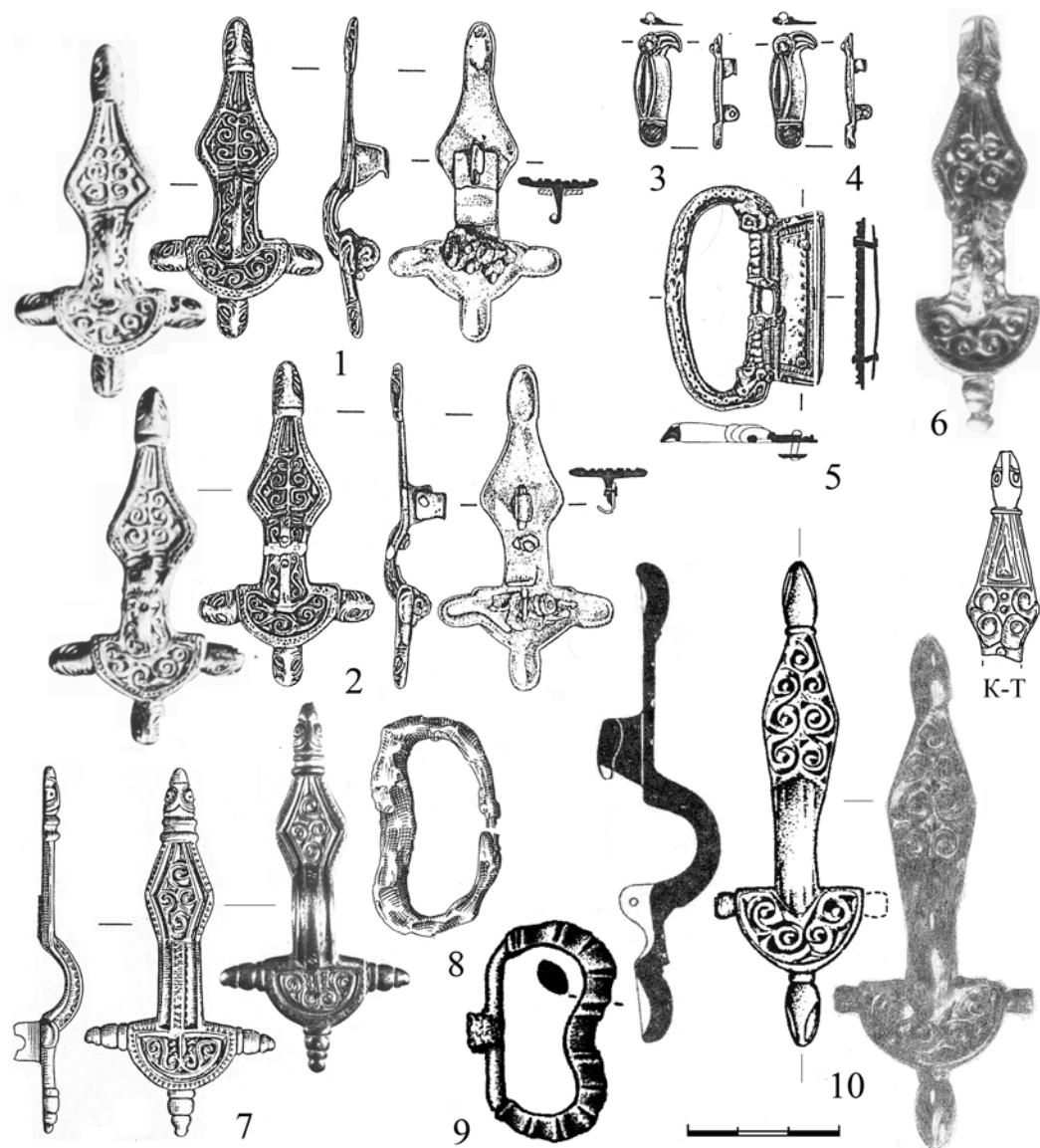

Рис. 7. 1–5 – Вайнгартен / Weingarten, погр. 241; 6 – Борнхайм / Bornheim; 7–8 – Лютцен / Lützen, погр. 19; 9–10 – Хемминген / Hemmingen, погр. 24; К-Т – Кара-Тай (см. рис. 5,1)
По: 1–5 – [43, Taf. 76B,1–3]; 6 – [36, Taf. 265/68,2]; 7–8 – [23, Abb. 20,2–3,5]; 9–10 – [40, Taf. 5,24–2,3]

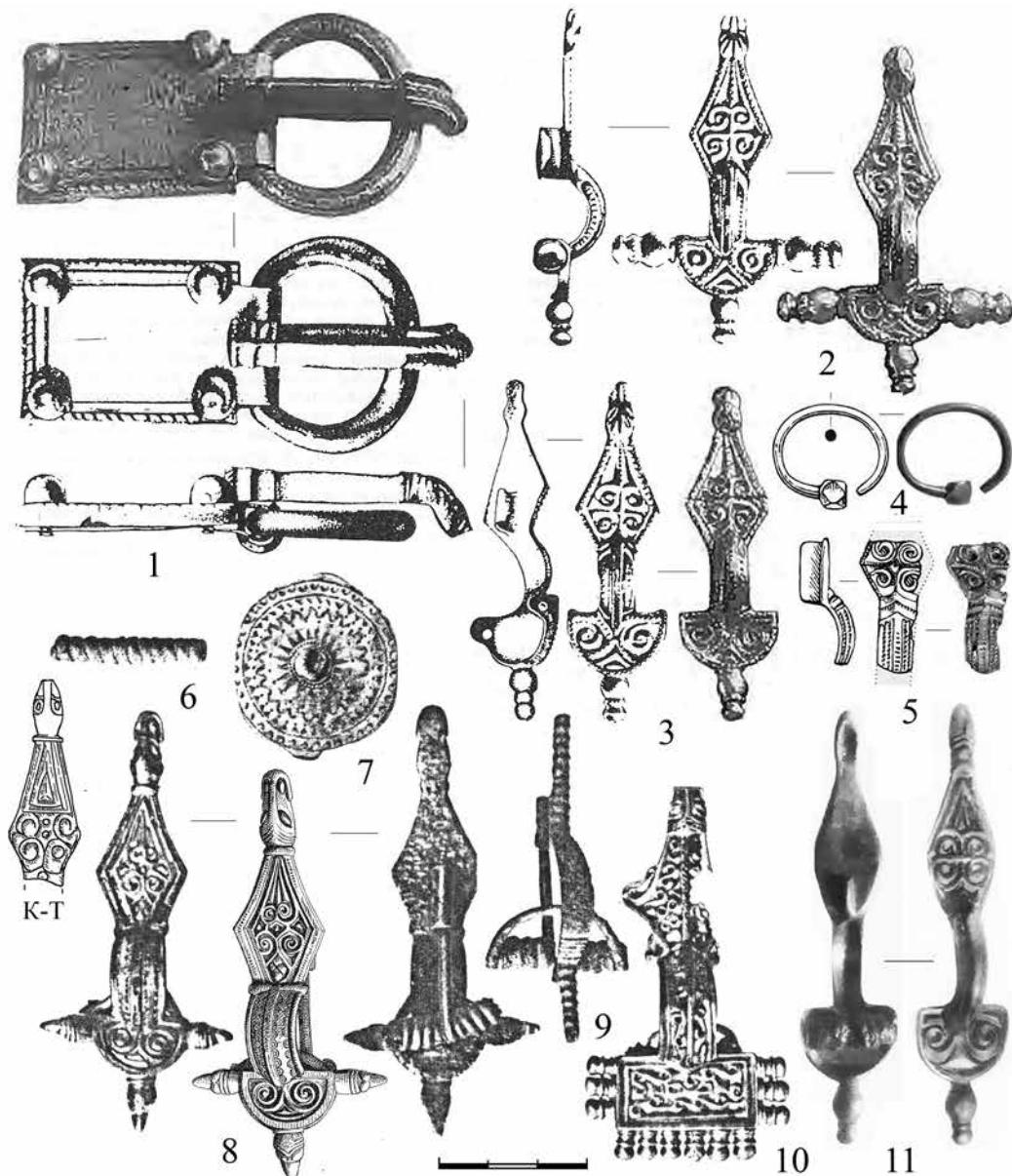

Рис. 8. 1–3 – Дабронк–Отвёшпушта / Dabronc–Ötvöspuszta; 4–5 – Книнице / Knínice; 6–10 – Мельстед / Melsted, погр. 8; 11 – Аквасанта / Acquasanta; К-Т – Кара-Тай (см. рис. 5,1)

По: 1–3 – [44, 3, 1–3 ábra; 24, Abb. 20, 4–6]; 4–5 – [28, Fig. 16];
6–10 – [34, fig. 58, 6, 7, 9, 20; 75, 4, 7; 23, Abb. 20, 1]; 11 – [22, Taf. 41, 4a, 4b]

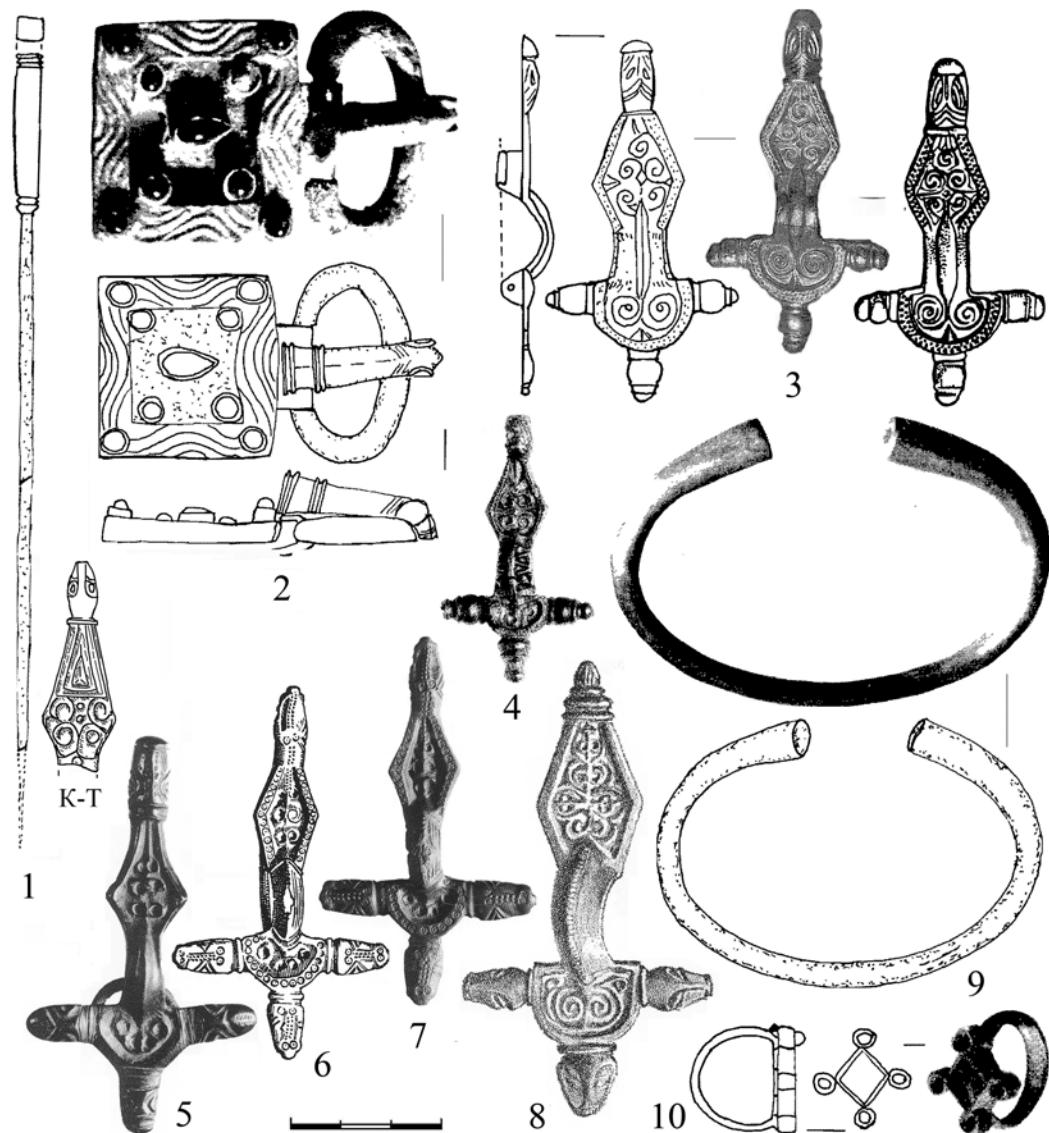

Рис. 9. 1–3, 9–10 – Фикароло / Ficarolo, скелет 4; 4 – Люманда / Lümande; 5 – Кюссен / Kussen; 6 – Штернвальде / Sternwalde; 7 – Варенген / Warengegen, погр. 18; 8 – «Восточная Пруссия»; К-Т – Кара-Тай (см. рис. 5,1)
По: 1–3, 9–10 – [25, fig. 2; 3,1; 4,1–4; 8, рис. 5,3]; 4–8 – [30, Abb. 5.34,a–c; 5.37, Taf. 28,245]

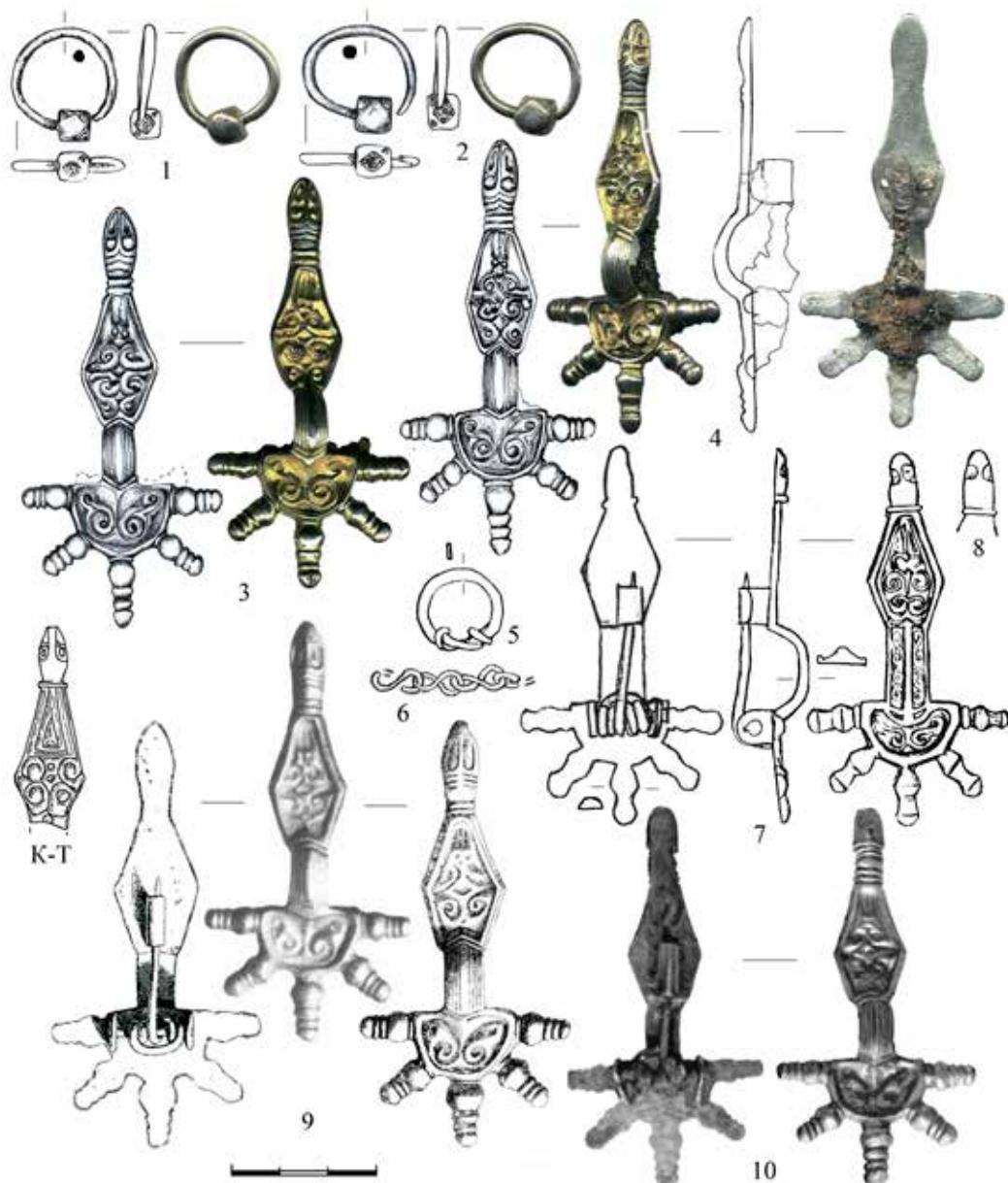

Рис. 10. 1–4 – Котай, ферма Верба / Kótaj–Verba-tanya, погр. 55;
 5–9 – «Керчь» (5–8 – Одесский археологический музей;
 9 – Государственный Исторический музей, Стокгольм);
 10 – «Южная Россия», коллекция Диргардта / Diergardt; К-Т – Кара-Тау (см. рис. 5,1)
 По: 1–4 – [31, fig. 8,2–3; 9]; 5–8 – Архив ИА РАН, фонд А. К. Амброза;
 9 – [45, Fig. 39, 36, Taf. 265/68,6]; 10 – [54, Taf. 28,112]

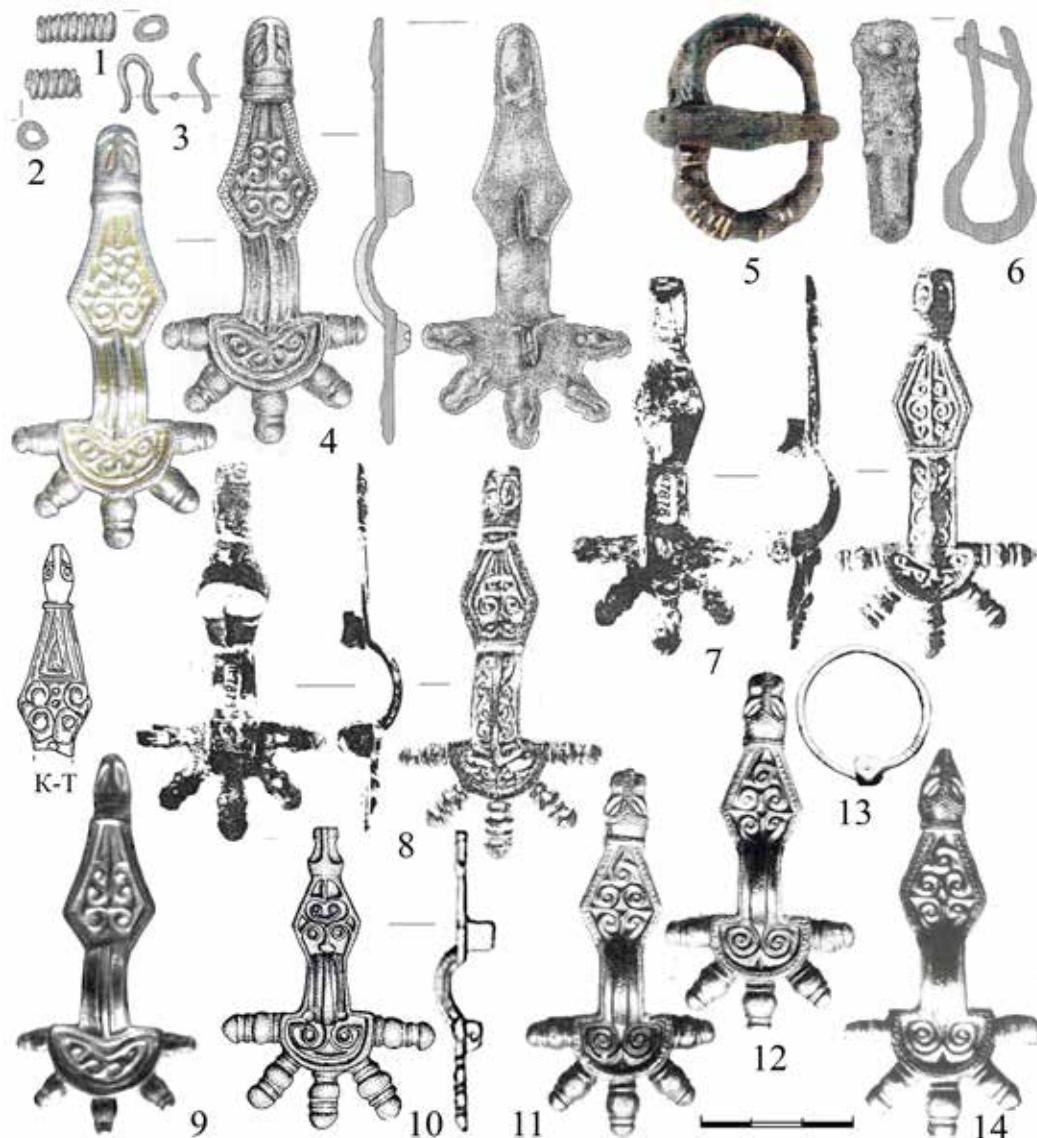

Рис. 11. 1–6 – Будапешт, Старая Буда / Budapest, Óbuda; 7–8 – Варна;
9 – Монсо-ле-Нёф / Monceau-le-Neuf; 10 – Бойна II / Vojná II; 11–13 – Базель–Готтербартмвег /
Basel–Gotterbarmweg, погр. 22; 14 – Базель–Кляйнхюнинген / Basel–Kleinhüning, погр. 75;
К-Т – Кара-Тай (см. рис. 5,1)

По: 1–6 – [52, fig. 6.3,1,3; 6.4,3,6,8, pl. I.1; I.2]; 7–8 – [17, T. 1,1,2]; 9 – [54, Taf. 5,15a];
10 – [42, obr. 3,1]; 11–13 – [53, S. 159, Pl. X; XXII-2-4]; 14 – [39, Abb. 2,4]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антика, 2017. 368 с.
2. Богачев А.В. Серги с многогранником V–VII вв. на Средней Волге и в Предуралье (к вопросу о гото-аланском присутствии в регионе) // Вояджер: мир и человек. 2016. № 6. С. 7–56.
3. Гаврилов А.В., Труфанов А.А. Новый античный памятник на горе Кара-Тай у северных склонов Внешней гряды Крымских гор // Древности Боспора. 2014. Т. 18. С. 126–164.
4. Гавритухин И.О., Обломский А.М., Торгоев А.И. Антропоморфные амулеты-фигурки из Ставрополя на фоне находок из Евразии // Торгово-ремесленный комплекс у с. Ставрополя в верховьях р. Воронеж (конец V – VII вв.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья / Ред. А.М. Обломский. М., СПб.: Нестор-История. 2022. С. 170–226, 487–509, 542. (Раннеславянский мир. Вып. 21).
5. Зайцев Ю.П. У западных границ Боспора. Варвары Центрального Крыма по результатам новейших исследований // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: Материалы международной научной конференции. СПб., 2018. Ч. 2. С. 206–211.
6. Зайцев Ю.П., Шкириляк И.И. Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований / Ред. Ю.П. Зайцев. Симферополь: Тарпан, 2017. С. 139–153.
7. Зайцев Ю.П., Шкириляк И.И. Святилище римского времени на горе Кара-Тай в Предгорном Крыму // Stratum plus. 2022. № 4. С. 129–149.
8. Засецкая И.П. Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 394–478.
9. Засецкая И.П. Боспорский некрополь эпохи Великого переселения народов. Последняя четверть IV – начало VII века: каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. 376 с.
10. Малашев В.Ю., Гаджиев И.С., Ильюков Л.С. Страна маскотов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 451 с.
11. Мастькова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
12. Сазанов А.В. Амфоры с SNP I: проблемы классификации и хронологии // ПИФК. 2022. Вып. 1. С. 90–144.
13. Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму. Ч. 1. М.: ИА РАН, 2023. 460 с. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33).
14. Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму. Ч. 2. М.: ИА РАН, 2024. 452 с. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33).
15. Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму. Ч. 3. М.: ИА РАН, 2024. 436 с. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33).
16. Хайрединова Э.А. Серги с литым неподвижным многогранником из Крыма // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 95–132.
17. Хараламбиева А. Две готски фибули от западния некропол на Одесос // Известия на Народния музей. Варна, 1992. Т. 28 (43). С. 137–143.
18. Хомякова О.А. Браслеты с расширенными концами, изготовленные из драгоценных металлов в позднеримское время и эпоху Великого переселения народов: дунайско-днепровско-прибалтийские параллели // Нижневолжский археологический вестник. 2024. Т. 23, № 1. С. 102–135.
19. Храпунов И.Н. Могильник Нейзац (II–IV вв. н.э.): в 3-х тт. Том 1 (текст). Севастополь: Альбатрос, 2025. 472 с.
20. Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК. 1907. Вып. 25. С. 1–66.
21. Шкириляк И.И. Античное святилище на г. Кара-Тай в Предгорном Крыму // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: Материалы научной конференции. Севастополь, 2019. С. 336–342.
22. Annibaldi G., Werner J. Ostgotische Grabfunde aus Acquasanta, Prov. Ascoli Piceno (Marche) // Germania. 1963. Bd. 41–2. S. 356–373.
23. Bemmam J. Mitteldeutschland im 5. Jahrhundert – Eine Zwischenstation auf dem Weg der Langobarden in den mittleren Donauraum? // Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden – Awaren – Slawen, Akten der Internationalen Tagung in Bonn vom 25. bis 28. Februar 2008 / Hrsg. J. Bemmam, M. Schmuder. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2008. S. 145–227.
24. Bierbrauer V. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien). Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Funastoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1995. Bd. 38 (1991). S. 541–592.
25. Bierbrauer V., Büsing H., Büsing Kolbe A. Die Dame von Ficarolo // Archeologia medieval. 1993. Vol. 20. S. 303–332.
26. Bona I. Die Langobarden in Ungarn // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1956. Vol. 7. P. 183–242.

27. Dobos A., Opreanu C.H. *Migration period and early medieval cemeteries at Fântânele (Bistrița-Năsăud county)*. Cluj-Napoca: Editura Mega, 2012. 160 p. (Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum. Vol. 5).
28. Droberjar E., Knápek R., Jarůšková Z. *The importance of finds from the Migration period in Malá Haná (Moravia)* // *Přehled výzkumu*. 2019. Vol. 60 (1). P. 109–41.
29. Eger Chr. *Zur Verbreitung und Herkunft der Polyederohrringe im südwestlichen Mittelmeerraum* // *Madridrer Mitteilungen*. 2005. Bd. 46. S. 437–471.
30. Hilberg V. *Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren*. Neumünster: Wachholz Verlag, 2009. 616 S. (Schriften des archäologischen Landesmuseums. Bd. 9).
31. Istvánovits E., Kulcsár V. A 5th–6th century catacomb grave from Kótaj–Verba farm (Hungary, Szabolcs-Szatmár-Bereg County) // *Travaux et mémoires*. 2023. Vol. 27. P. 105–130.
32. Kazanski M. *Fibules digitées de tradition « danubienne » de l'époque des Grandes Migrations, découvertes en Gaule du Sud* // *Archeologie du Midi medieval*. 2016. Vol. 34. P. 37–49.
33. Kiss A. *Das Gräberfeld von Szekszárd-Palánk aus der zweiten Hälfte des 5. Jh. und der ostgotische Fundstoff in Pannonien* // *Zalai Muzeum: Kozlemenyek Zala megye muzeumaibol*. 1997. Vol. 6. S. 53–86.
34. Klindt-Jensen O. *Bornholm i folkevandringstiden og forudsætningerne i tidlig jernalder*. København: Nationalmuseet, 1957. 323 S.
35. Koch A. *Bügelfibeln der Merowingerzeit im westlichen Frankenreich*. Bd. 1–2. Mainz: Verlag der RGZM, 1998. 748 s. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Bd. 41).
36. Kühn H. *Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland*. Garz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1974. 1386 S.
37. Koch U. *Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim*. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 2001. 647 S. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. Bd. 60).
38. Legoux R., Périn P., Vallet F. *Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine*. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 2009. 66 p.
39. Meier T. *Methodenprobleme einer Chronologie der Merowingerzeit in Süddeutschland. Eine Diskussion anhand von Matthias Friedrich „Archäologische Chronologie und historische Interpretation: Die Merowingerzeit in Süddeutschland“ (2016)* // *Germania*. 2020. Bd. 98. S. 237–290.
40. Müller H. F. *Das alamannische Gräberfeld von Hemmingen*, Kreis Ludwigsburg. Stuttgart: Muller & Graff, Kommissionsverlag, 1976. 159 S. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. Bd. 7).
41. Nieveler E., Siegmund F. *The Merovingian chronology of the Lower Rhine area: results and problems* // *The Pace of Change. Studies in Early-Medieval Chronology* / Eds. J. Hines, K. Høilund Nielsen, F. Siegmund. Oxford: Oxbow Books, 1999. P. 3–22.
42. Pieta K. *Hradiská Bojná II a Bojná III. Významné sídlo z doby stáhovania národov a opevnenia z 9. storočia* // Bojna, hospodarske a politické centrum Nitrianskeho kniežatstva / Eds. K. Pieta, A. Ruttay, M. Ruttay. Nitra: Archeologický ústav Slovenskej akadémie vied, 2007. S. 173–190.
43. Roth H., Theune C. *Das frühmittelalterliche Gräberfeld bei Weingarten (Kr. Ravensburg)*. Katalog der Grabinventare. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 1995. 536 S. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. Bd. 44/1).
44. Sági K. *Az Ötöspusztai V. századi sír* // *A Veszprém Megyei Múzeumok Közleményei*. 1985. Vol. 17 (1984). P. 81–91.
45. Salin B. *Die altgermanische Thierornamentik. Typologische Studie über germanische Metallgegenstände aus dem IV. bis IX. Jahrhundert, nebst einer Studie über irische Ornamentik*. Berlin: K.L. Beckmans büchdruckerei, in Kommission bei A. Asher, 1904. 400 S. (Neue Aufl.: Stockholm: Wahlström & Widstrand, 1935).
46. Tejral J. *Morava na sklonku antiky*. Praha: Academia, 1982. 256 s.
47. Tejral J. *Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum* // *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum* / Hrsg. J. Tejral, H. Friesinger, M. Kazanski. Brno: Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 1997. S. 321–392. (Spisy Archeologickeho ustavu AV ČR Brno. Bd. 8).
48. Tejral J. *Beiträge zur Chronologie des langobardischen Fundstoffes nördlich der mittleren Donau* // *Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum* / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 2002. S. 313–358. (Spisy Archeologickeho ustavu AV ČR Brno. Bd. 19).
49. Tejral J. *Ein Abriss der frühmerowingerzeitlichen Entwicklung im mittleren Donauraum bis zum Anfang des 6. Jahrhunderts* // *Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden – Awaren – Slawen* / Hrsg. J. Bemmann, M. Schmauder. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GbH, 2008. S. 248–283.
50. Tejral J. *Spätantik – merowingisch – frühmittelalterlich. Strittige Übergänge im mittleren Donauraum aus der Sicht der Archäologie* // *Grenz Übergänge. Spätromisch, frühchristlich, frühbyzantinisch als Kategorien der historisch-archäologischen Forschung an der mittleren Donau* / Hrsg. I. Bugarski, O. Heinrich-Tamáska, V. Ivanišević, D. Syrbe. Remshalden: Verlag Bernhard Albert Greiner, 2016. S. 103–120.

51. Theune C. On the chronology of Merovingian period grave goods in Alamannia // The pace of change. Studies in early medieval chronology / Eds. J. Hines, K.H. Nielsen, F. Siegmund. Oxford: Oxbow Books, 1999. P. 23–33.
52. Tóth Á.B. A fifth-century burial from Old Buda (Budapest) // Neglected Barbarians / Ed. F. Curta. Turnhout: Brepols, 2010. P. 177–208. (Studies in the early Middle Ages. Vol. 32).
53. Vogt E. Das alamannische Gräberfeld am alten Gotterbarmweg in Basel // Anzeiger für schweizerische Altertumskunde, Neue Folge. 1930. XXXII (3). S. 145–164.
54. Werner J. Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitliche Schmuck). Die Fibeln 1. Berlin: Verlag Gerb. Mann, 1961. 68 S.

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Krymskie goты strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean Goths in the region of Dory (mid-third to seventh century)]. Simferopol, Antikva Publ., 2017, 368 p.
2. Bogachev A.V. Polyhedron earrings from the 5th–7th centuries in the Middle Volga and the Cis-Urals (on the issue of the Gothic-Alanian presence in the region). *Voiadzher: mir i chelovek* [Voyager: World and Man], 2016, no. 6, pp. 7–56.
3. Gavrilov A.V., Trufanov A.A. New antique monument on mount Kara-Tau in the northern slopes of the outer ridge of the Crimean mountains. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of Bosphorus], 2014, vol. 18, pp. 126–164.
4. Gavritukhin I.O., Oblomsky A.M., Torgoev A.I. Anthropomorphic amulets-figurines from Staevо against the background of findings from Eurasia. A.M. Oblomsky (ed.), *Torgovo-remeslenyi kompleks u s. Staevо v verkhov'iaakh r. Voronezh (konets V – VII vv.) i nekotorye problemy arkheologii Verkhnego Podon'ia epokhi rannego Srednevekov'ia* [The trade and handicraft complex near the village Staevо in the upper reaches of the Voronezh River (late 5th – 7th centuries) and some problems of archaeology of the Upper Don area of the Early Middle Ages]. St. Petersburg, Nestor-Istoria Publ., 2022, pp. 170–226, 487–509, 542. (Early Slavic world. Vol. 21).
5. Zaytsev Yu.P. At the Western Borders of the Bosphorus. Barbarians of Central Crimea based on the results of the latest research. *Bosporskii fenomen. Obshchее i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Bosporan phenomenon: general and peculiar features of historical and cultural space in the world of classical antiquity. Proceedings of the international conference], St. Petersburg, 2018, part 2. pp. 206–211.
6. Zaytsev Yu.P., Shkribliak I.I. The Kubalach mountain massif as a new phenomenon in Crimean archaeology. Yu.P. Zaytsev (ed.), *Krym v epokhu ellinizma. Mezhkul'turnye protsessy po dannym noveishikh arkheologicheskikh issledovanii* [Crimea in the Hellenistic Era. Intercultural processes based on recent archaeological research], Simferopol, Tarpan Publ., 2017, pp. 139–153.
7. Zaytsev Yu.P., Shkribliak I.I. Sanctuary of Roman Time on the Kara-Tau mount in piedmont Crimea. *Stratum plus*, 2022, no. 4, pp. 129–149.
8. Zasetskaya I.P. Dating and the provenance of radiate-headed brooches (finger-shaped fibulas) from Bosphorus necropolis of Early-Medieval period. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Taurii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 1998, vol. 6, pp. 394–478.
9. Zasetskaya I.P. *Bosporskii nekropol' epokhi Velikogo pereseleniya narodov. Posledniaia chetvert' IV – nachalo VII veka: katalog kollektsiii* [Bosporan Necropolis of the Great Migration Period. Last quarter of the 4th – early 7th century: Collection catalogue]. St. Petersburg, State Hermitage Museum Publ., 2024, 376 p.
10. Malashev V.Iu., Gadzhiev I.S., Il'iukov L.S. *Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannye mogil'niki Prikaspiskogo Dagestana III–V vv. n.e.* [The country of the Maskuts in the Western Caspian Region. Burial mounds of Caspian Dagestan, 3rd–5th centuries AD]. Makhachkala, Mavraev Publ., 2015, 451 p.
11. Mastykova A.V. *Zhenskii kostium Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ia v kontse IV – seredine VI v. n.e.* [Women's costume of the Central and Western Ciscaucasia in the late 4th – mid 6th century AD]. Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2009, 502 p.
12. Sazanov A.V. Amphorae SNP I: problems of classification and chronology. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2022, vol. 1, pp. 90–144.
13. Sviridov A.N., Iazikov S.V. *Mogil'nik rimskego vremeni Frontovoe 3 v Iugo-Zapadnom Krymu* [The Roman burial ground Frontovoye 3 in Southwestern Crimea]. Part 1. Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2023, 460 p. (Materials of rescue archaeological research. Vol. 33).
14. Sviridov A.N., Iazikov S.V. *Mogil'nik rimskego vremeni Frontovoe 3 v Iugo-Zapadnom Krymu* [The Roman burial ground Frontovoye 3 in Southwestern Crimea]. Part 2. Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2024, 452 p. (Materials of rescue archaeological research. Vol. 33).
15. Sviridov A.N., Iazikov S.V. *Mogil'nik rimskego vremeni Frontovoe 3 v Iugo-Zapadnom Krymu* [The Roman burial ground Frontovoye 3 in Southwestern Crimea]. Part 3. Moscow, Institute of Archaeology of RAS Publ., 2024, 436 p. (Materials of rescue archaeological research. Vol. 33).
16. Khairedinova E.A. Earrings with a Cast Immobile Polyhedron in the Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Taurii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], 2015, vol. 20, pp. 95–132.

17. Kharalambieva A. Two Gothic brooches from the western necropolis on Odessos. *Izvestiia na Narodniia muzei* [News of the People's Museum], Varna, 1992, vol. 28 (43), pp. 137–143.
18. Khomiakova O.A. Bracelets with Widened Ends Made from Precious Metals of the Late Roman and the Great Migration Period: Danube-Dnieper-Baltic Parallels. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 1, pp. 102–135.
19. Khrapunov I.N. *Mogil'nik Neizats (II–IV vv. n.e.): v 3-kh tt. Tom 1 (tekst)* [The Neyzats burial ground (2nd–4th centuries AD): in 3 volumes. Volume 1 (text)]. Sevastopol, Al'batros Publ., 2025, 472 p.
20. Shkorpil V.V. Report on Excavations in Kerch in 1904. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission], 1907, vol. 25, pp. 1–66.
21. Shkribliak I.I. Ancient sanctuary on mount Kara-Tau in the foothills of Crimea. *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiia, nakhodki, teorii: Materialy nauchnoi konferentsii* [Ancient Relics of Chersonesos: Discoveries, Finds, Theories: Proceedings of a Scientific Conference], Sevastopol, 2019, pp. 336–342.
22. Annibaldi G., Werner J. Ostgotische Grabfunde aus Acquasanta, Prov. Ascoli Piceno (Marche). *Germania*, 1963, Bd. 41–2, S. 356–373.
23. Bemann J. Mitteldeutschland im 5. Jahrhundert – Eine Zwischenstation auf dem Weg der Langobarden in den mittleren Donauraum? J. Bemann, M. Schmuder (Hrsg.), *Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden – Awaren – Slawen, Akten der Internationalen Tagung in Bonn vom 25. bis 28. Februar 2008*. Bonn, Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2008, S. 145–227.
24. Bierbrauer V. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien). Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Funastoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*, 1995, Bd. 38 (1991), S. 541–592.
25. Bierbrauer V., Büsing H., Büsing Kolbe A. Die Dame von Ficarolo. *Archeologia medieval*, 1993, vol. 20, pp. 303–332.
26. Bona I. Die Langobarden in Ungarn. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1956, vol. 7, pp. 183–242.
27. Dobos A., Opresanu C.H. *Migration period and early medieval cemeteries at Fântânele (Bistrița-Năsăud county)*. Cluj-Napoca, Editura Mega, 2012, 160 p. (Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum. Vol. 5).
28. Droberjar E., Knápek R., Jarůšková Z. The importance of finds from the Migration period in Malá Haná (Moravia). *Přehled výzkumu*, 2019, vol. 60 (1), pp. 109–41.
29. Eger Chr. Zur Verbreitung und Herkunft der Polyederohrringe im südwestlichen Mittelmeerraum. *Madridrer Mitteilungen*, 2005, Bd. 46, S. 437–471.
30. Hilberg V. *Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Formbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren*. Neumünster, Wachholz Verlag, 2009, 616 S. (Schriften des archäologischen Landesmuseums. Bd. 9).
31. Istvánovits E., Kulcsár V. A 5th–6th century catacomb grave from Kótaj–Verba farm (Hungary, Szabolcs-Szatmár-Bereg County). *Travaux et mémoires*, 2023, vol. 27, pp. 105–130.
32. Kazanski M. Fibules digitées de tradition «danubienne» de l'époque des Grandes Migrations, découvertes en Gaule du Sud. *Archeologie du Midi medieval*, 2016, vol. 34, pp. 37–49.
33. Kiss A. Das Gräberfeld von Szekszárd-Palánk aus der zweiten Hälfte des 5. Jh. und der ostgotische Fundstoff in Pannonien. *Zalai Muzeum: Kozlemények Zala megye muzeumaiból*, 1997, vol. 6, pp. 53–86.
34. Klindt-Jensen O. *Bornholm i folkevandringstiden og forudsætningerne i tidlig jernalder*. København, Nationalmuseet, 1957, 323 S.
35. Koch A. *Bügelfibeln der Merowingerzeit im westlichen Frankenreich*. Bd. 1–2. Mainz, Verlag der RGZM, 1998, 748 s. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Bd. 41).
36. Kühn H. *Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland*. Garz, Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1974, 1386 S.
37. Koch U. *Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim*. Stuttgart, Konrad Theiss Verlag, 2001, 647 S. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. Bd. 60).
38. Legoux R., Périn P., Vallet F. *Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine*. Saint-Germain-en-Laye, Association française d'archéologie mérovingienne, 2009, 66 p.
39. Meier T. Methodenprobleme einer Chronologie der Merowingerzeit in Süddeutschland. Eine Diskussion anhand von Matthias Friedrich „Archäologische Chronologie und historische Interpretation: Die Merowingerzeit in Süddeutschland“ (2016). *Germania*, 2020, Bd. 98, S. 237–290.
40. Müller H.F. *Das alamannische Gräberfeld von Hemmingen, Kreis Ludwigsburg*. Stuttgart, Muller & Graff, Kommissionsverlag, 1976, 159 S. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. Bd. 7).
41. Nieveler E., Siegmund F. The Merovingian chronology of the Lower Rhine area: results and problems. J. Hines, K. Hoilund Nielsen, F. Siegmund (eds.), *The Pace of Change. Studies in Early-Medieval Chronology*. Oxford, Oxbow Books, 1999. pp. 3–22.

42. Pieta K. Hradiská Bojná II a Bojná III. Významné sídlo z doby sťahovania národov a opevnenia z 9. Storočia. K. Pieta, A. Ruttkay, M. Ruttkay (eds.), *Bojna, hospodarske a politische centrum Nitrianskeho kniežatstva*. Nitra, Archeologický ústav Slovenskej akadémie vied, 2007, pp. 173–190.
43. Roth H., Theune C. *Das frühmittelalterliche Gräberfeld bei Weingarten (Kr. Ravensburg)*. Katalog der Grabinventare. Stuttgart, Konrad Theiss Verlag, 1995, 536 S. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. Bd. 44/1).
44. Sági K. Az Ötvöspuszta V. századi sír. *A Veszprém Megyei Múzeumok Közleményei*, 1985, vol. 17 (1984), pp. 81–91.
45. Salin B. *Die altgermanische Thierornamentik. Typologische Studie über germanische Metallgegenstände aus dem IV. bis IX. Jahrhundert, nebst einer Studie über irische Ornamentik*. Berlin, K.L. Beckmans büchdruckerei, in Kommission bei A. Asher, 1904, 400 S. (Neue Aufl.: Stockholm, Wahlström & Widstrand, 1935).
46. Tejral J. *Morava na sklonku antiky*. Praha, Academia, 1982, 256 s.
47. Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum. J. Tejral, H. Friesinger, M. Kazanski (Hrsg.), *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum*. Brno, Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 1997, pp. 321–392. (Spisy Archeologického ústavu AV ČR Brno. Bd. 8).
48. Tejral J. Beiträge zur Chronologie des langobardischen Fundstoffes nördlich der mittleren Donau. J. Tejral (Hrsg.), *Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum*. Brno, Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 2002, pp. 313–358. (Spisy Archeologického ústavu AV ČR Brno. Bd. 19).
49. Tejral J. Ein Abriss der frühmerowingerzeitlichen Entwicklung im mittleren Donauraum bis zum Anfang des 6. Jahrhunderts. J. Bemmann, M. Schmauder (Hrsg.), *Kulturwandel in Mitteleuropa. Langobarden – Awaren – Slawen*. Bonn, Dr. Rudolf Habelt GbH, 2008, S. 248–283.
50. Tejral J. Spätantik – merowingisch – frühmittelalterlich. Strittige Übergänge im mittleren Donauraum aus der Sicht der Archäologie. I. Bugarski, O. Heinrich-Tamáška, V. Ivanišević, D. Syrbe (Hrsg.), *Grenz Übergänge. Spätromisch, frühchristlich, frühbyzantinisch als Kategorien der historisch-archäologischen Forschung an der mittleren Donau*. Remshalden, Verlag Bernhard Albert Greiner, 2016, S. 103–120.
51. Theune C. On the chronology of Merovingian period grave goods in Alamannia. J. Hines, K.H. Nielsen, F. Siegmund (eds.), *The pace of change. Studies in early medieval chronology*. Oxford, Oxbow Books, 1999, pp. 23–33.
52. Tóth Á.B. A fifth-century burial from Old Buda (Budapest). F. Curta (ed.), *Neglected Barbarians*. Turnhout, Brepols, 2010, pp. 177–208. (Studies in the early Middle Ages. Vol. 32).
53. Vogt E. Das alamannische Gräberfeld am alten Gotterbarmweg in Basel. *Anzeiger für schweizerische Altertumskunde, Neue Folge*, 1930, XXXII (3), S. 145–164.
54. Werner J. *Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitliche Schmuck)*. Die Fibeln 1. Berlin, Verlag Gerb. Mann, 1961, 68 S.

Информация об авторах

Зайцев Ю. П. – кандидат исторических наук, директор Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский», AuthorID: 1137684.

Гавритухин И. О. – старший научный сотрудник отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН, AuthorID: 109296.

Шкрибляк И. И. – заместитель директора Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский», AuthorID: 1186302.

Authors information

Zaytsev Yu. P. – Candidate of Sciences (History), Director of the Historical and Archaeological Museum-Reserve “Scythian Neapolis”.

Gavritukhin I. O. – Senior Researcher, Department of Archaeology of the Migration Period and Early Middle Ages of the Institute of Archaeology of RAS.

Shkribliak I. I. – Vice Director of the Historical and Archaeological Museum-Reserve “Scythian Neapolis”.